

Министерство просвещения Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»
Институт иностранных языков
Кафедра английской филологии и методики преподавания английского языка

**Реализация языковой картины мира ребенка в романе Ч. Диккенса «David
Copperfield» (материалы к элективному курсу)**

Выпускная квалификационная работа
(магистерская диссертация)

Квалификационная работа
допущена к защите
Зав. Кафедрой

дата

подпись

Исполнитель:
Горелова Екатерина Владимировна,
обучающаяся группы ЯОА-1801z

подпись

Научный руководитель:
Алифанова Ольга Георгиевна,
к. филол. наук, доцент

Подпись

Екатеринбург 2020

Содержание

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1. Картина мира как лингвистический феномен.....	5
1.1. Типология картин мира.....	5
1.2. Компоненты языковой картины мира.....	17
1.3. Методы анализа языковой картины мира	30
Выводы по 1 главе.....	39
Глава 2. Компоненты формирующие языковую картину мира	42
2.1. Семантические группы языковой картины мира Дэвида Копперфильда.....	42
2.2. Анализ языковой картины мира ребенка в произведении «David Copperfield».....	63
Выводы по 2 главе.....	76
Заключение	80
Список литературы	87
Приложение	93

ВВЕДЕНИЕ

Язык является своеобразным накопителем некоторых знаний народа о мире, что «позволяет человеку объединить весь опыт в единую картину мира и заставляет его забыть о том, как раньше, до того как он изучил язык, он воспринимал окружающий мир» [Вайсгербер 1993: 51]. Таким образом, влияние языка на формирование мировоззренческих особенностей индивида, так сказать, «создание» картины мира, бесспорно. Картина мира, зафиксированная при помощи языка и отображенная в языковом пространстве, получила название «языковая картина мира».

Актуальность данной работы заключается в том, что в большом корпусе исследований детской речи пока мало работ, включающее системное описание языковой личности ребенка с учетом ее типологических характеристик, отражающих специфику возраста, психических и индивидуальных параметров личности ребенка, ее социорольевых признаков.

Целью работы является исследование языковой картины мира ребенка посредством изучения личности главного героя произведения Ч. Диккенса «David Copperfield» для выявления направления развития не только языка, но и системы мировоззрения главного героя в процессе становления и развития его личности.

Поставленная цель предопределила решение следующих **задач**:

1. Проанализировать литературу по теме исследования;
2. Изучить типологию картин мира;
3. Выявить компоненты языковой картины мира в анализируемом материале;
4. Сгруппировать компоненты языковой картины мира по категориям;

5. Сформировать модель языковой картины мира по полученным результатам, а также сделать выводы на основе этих результатов;

Объектом исследования является языковая картина мира;

Предметом исследования является языковая картина мира главного героя в произведении Ч. Диккенса «David Copperfield»;

Материалом исследования является произведение Ч. Диккенса «David Copperfield».

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем представлен ряд выводов относительно роли языковой картины мира и ее видов в художественном тексте, сделанных в результате анализа конкретного материала.

В работе были использованы следующие методы: методы анализа и синтеза, категориальный, сопоставительный, методы семантического анализа и моделирования, реализованные через комплекс более частных методик и исследовательских приемов таких, как определение языковой картины мира и описание ее особенностей проявления в художественном тексте.

Теоретическая значимость заключается в том, чтобы обобщить методики исследования языковой картины мира в целом и найти рациональный путь исследования языковой картины мира ребенка в романе.

Практическая значимость заключается в возможности использования работы при дальнейшем изучении данной темы, а также при проведении семинарских занятий по лексикологии, стилистике, истории и литературе английского языка в учебных заведениях.

Работа включает в себя введение, две главы, заключение, список литературы и приложения.

Глава 1. Картина мира как лингвистический феномен

В первой главе мы рассмотрим понятие «картина мира», ее типологию, выделим языковую и когнитивную (концептуальную) картины мира. Также мы уделим внимание компонентам языковой картины мира, сравним языковую картину мира с научной, выделим сходства и различия. Картина мира не есть зеркальное отражение мира, это всегда некоторая интерпретация, связанная с индивидуальным, социальным опытом человека, с культурой народа и т.д.

1.1. Типология картин мира

Модель мира понимается как виртуальный образ окружающей среды, формируемый на основе информации, поступающей извне, а также из собственного опыта, с помощью которого человек воспринимает природу и общество, социальный порядок и самого себя в этом обществе. Данное определение сходно с определением картины мира. При этом, так же как и картина мира, модель мира может быть наивной и научной, и в их основе, в фокусе находится человек, чувствующий, воспринимающий окружающий мир. Однако «модель мира» можно определить как единство материального и духовного, реального и эфемерного.

Говоря о картине мира, мы подразумеваем образ мира в конкретном языке конкретного языкового сообщества, т. е. как языковую картину мира (ЯКМ). По мнению А.Б. Тумановой, язык – основа языковой картины мира, самого глубинного слоя картины мира, так как именно посредством языка выражаются и эксплицируются другие картины мира человека, которые посредством специальной лексики входят в язык, принося в него черты человека, особенности его культуры [Туманова 2008].

Г.Р. Державин, говоря о языке, писал: «язык всем знаниям и всей природе ключ, в слове всех существ содержится картина» [Державин 1864: 529]. В философии, лингвистике, психологии картиной мира называется представление о мире, отраженное в человеческом сознании. Параллельно с разработкой понятия картины мира в рамках науки, картина мира изучалась в культурологических и лингвосомиологических работах. Также иногда используются синонимичные понятия: «видение мира», «образ мира», «мировидение», «восприятие мира», «модель мира», «образ действительности», «тезаурус» [Постовалова 1988: 11]. Картина мира отображает «специфику человека и его бытия, взаимоотношение его с миром, важнейшие условия его существования в мире» [Постовалова 1988: 11].

Рассмотрению понятия «картина мира» посвящены многие работы отечественных лингвистов (Е.М. Верещагин, Г.В. Колшанский, В.Г. Костомаров, О.А. Корнилов, В.А. Пищальникова, Б.А. Серебренников, Э.Д. Сулейменова, и др.). Согласно исследованиям лингвистов, в картине мира взаимодействует общечеловеческое, национальное, социальное и личностное. По определению И.А. Стернина, картина мира в самом общем виде понимается как мировидение, как упорядоченная совокупность знаний о действительности, сформировавшаяся в индивидуальном, групповом и общественном сознании каждого народа [Стернин 2001: 182]. «Каждая цивилизация, социальная система характеризуется своим особым способом восприятия мира» [Гуревич 1972: 17]. Отсюда следует, что менталитет любого лингвистического сообщества обусловлен в значительной степени своей собственной картиной мира – той частью «внеязыкового мира, «предметы» которого оказываются вербализованными духовно значимыми ценностями того или иного этноязыкового коллектива» [Алефиренко 2002: 3]. По убеждению Д.С. Лихачева: «чем богаче культура нации, ее фольклор, литература, наука, изобразительное искусство, исторический опыт, религия, тем богаче языковая картина мира (концептосфера) народа» [Лихачёв 1993: 5].

Полное понимание общей картины мира обусловлено представлениями об ее составляющих, именно поэтому философы и лингвисты различают две модели мира, выделяя *языковую и когнитивную (концептуальную) картины мира*. Рассмотрим их более подробно.

1. *Языковая картина мира* – это образ сознания реальности, модель интегрального знания о концептуальной системе представлений, отраженный средствами языка. В лингвистике существует множество определений понятия «языковая картина мира», однако бесспорным остается то, что у разных народов есть свое языковое деление мира. В процессе деятельности в сознании человека возникает субъективное отражение существующего мира. Человек осваивает язык так же, как и окружающую действительность; при этом наряду с понятийной картиной мира возникает и языковая, которая не противоречит понятийной, но и не сходна с ней [Верещагин 1983: 168]. Специфика языковой концептуализации мира нагляднее всего представлена в том, что называют особенностями в языковом членении действительности, что можно объяснить этнонациональными различиями когнитивных мировосприятий. Языки различаются способом выделения значений, самым способом восприятия и осмысления мира. Эта идея в различных видах и вариантах развивалась во всех ключевых эпохах новейшей истории лингвистики [Гумбольдт 1984: 67].

Проблема языковой картины мира стала объектом исследования многих ученых-лингвистов. В. Гумбольдт определил ее цель как «исследование функционирования языка в самом широком его объеме – не просто в его отношении к речи, но и в его отношении к деятельности мышления и чувственного восприятия» [Гумбольдт 1984: 7]. В. Гумбольдт сделал вывод, что язык является тем средством, с помощью которого возможно приблизиться к разгадке тайны человека и характера народов. Взяв за основу данную идею, В. Гумбольдт заложил лингвистический фундамент для объединения наук о культуре, постепенно разработав метод, посредством которого возможно

подойти к изначальному единству языка и мышления, а также к единству феноменов культуры.

Сегодня бесспорно то, что основа картины мира – язык. В языке отражены глубочайшие знания о мире, его предметах, явлениях, представлениях, что и вбирает в себя понятие «языковая картина мира» (ЯКМ), концентрирующее в себе всю совокупность существующих в мире языков [Потебня 2010: 5].

Ю.Д. Апресян отмечает, что каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации (= концептуализации) мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве необходимой всем носителям языка. Свойственный данному языку способ концептуализации действительности отчасти универсален, отчасти национально специфичен, так что носители разных языков могут видеть мир немного по-разному, через призму своих языков. С другой стороны, языковая картина мира является «наивной» в том смысле, что во многих существенных отношениях она отличается от «научной» картины. При этом отраженные в языке наивные представления отнюдь не примитивны: во многих случаях они не менее сложны и интересны, чем научные. Таковы, например, представления о внутреннем мире человека, которые отражают опыт интроспекции десятков поколений на протяжении многих тысячелетий и способны служить надежным проводником в этот мир. В наивной картине мира можно выделить наивную геометрию, наивную физику пространства и времени, наивную этику, психологию и т.д. [Апресян 1995: 39].

Понятие «языковая картина мира» тесно связано с культурно-обусловленными явлениями в языке, которые оказывают основное влияние на формирование особого вида лексических единиц, содержащих узואально-закрепленную в семантике слова специфическую национально-культурную информацию. Слово, таким образом, не только имеет номинативную функцию,

но и является носителем национально-культурного своеобразия. Культурно-маркированная лексика была подробно описана в работе Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова «Язык и культура» [Верещагин, Костомаров 2005]. Ученые делают вывод о том, что национально-культурная информация может проявляться на всех уровнях языка (включая фонетический: особенности произношения могут сообщить о том, где говорящий родился и вырос), а также на невербальном уровне [Верещагин, Костомаров 2005: 296].

Языковая картина мира Е.М. Верещагиным определяется как «языковые образы реальных предметов и отношений, периферийные участки вербальных представлений, которые становятся источником дополнительных сведений об окружающей нас действительности. Причем они часто производят стойкие отложения в сознании познающего субъекта в силу образного характера их информации» [Верещагин 1983: 168]. Определение языковой картины мира Е.М. Верещагина указывает на ее двоякую природу: она принадлежит, во-первых, системе сознания и, во-вторых, системе языка. Языковое сознание, как структурный уровень языковой картины мира, обеспечивает интерпретацию отдельных фрагментов и элементов когнитивной картины мира, осмысление их структурных взаимосвязей. Языковое сознание, образованное системой языковых значений, объективирует идеальные образы реального мира и является, по мнению Алефиренко Н.Ф., чуть ли не «мозговым центром» [Алефиренко 2002: 7].

Четкое определение ЯКМ, на наш взгляд, дано в совместном научном исследовании ученых-лингвистов З.Д. Поповой и И.А. Стернина, которое раскрывает его как «совокупность зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности на определенном этапе его развития, представление о действительности, отраженное в языковых знаках и их значениях — языковое членение мира, языковое упорядочение предметов и явлений, заложенное в системных значениях слов информация о

мире» [Попова, Стернин 2007: 38]. Данное определение будет использовано нами как основное.

Языковая картина мира не самостоятельна, она неотделима от когнитивной (концептуальной) картины мира, представляющей собой результат когниции (познания) действительности, основанной на совокупности упорядоченных знаний – концептосфере, представленной концептами. Языковую картину мира отличают от когнитивной (концептуальной) модели мира, которая является основой языкового воплощения, словесной концептуализации знаний человека о мире [Шаклеин 2010: 112].

2. *Когнитивная (концептуальная) картина мира* – это ментальный образ действительности, сформированный когнитивным сознанием человека или народа в целом и являющийся результатом как прямого эмпирического отражения действительности органами чувств, так и ее сознательного, рефлексивного отражения в процессе мышления. Иными словами, когнитивная картина мира – это совокупность концептосферы и стереотипов сознания, которые задаются культурой [Егорова 2012: 61].

При моделировании в сознании картины мира активно идет процесс концептуализации. Концептуализация – один из важнейших процессов познавательной деятельности человека, заключающийся в осмыслении поступающей к нему информации и приводящей к образованию концептов, концептуальных структур и всей концептуальной системы в мозгу (психике) человека [Краткий словарь когнитивных терминов 1996: 93]. Хотя и картина мира – его модель, не любая модель является картиной [Воротников 2007].

Одно из первых по времени определений концепта принадлежит А. Вежбицкой: это объект из мира «Идеальное», имеющий имя и отражающий определенные культурно обусловленные представления человека о мире «Действительность» [Фрумкина 1992: 31].

Под концептом в лингвокогнитивных исследованиях понимается одними учеными информация относительно актуального или возможного положения

вещей в мире, т.е. «то, что индивид знает, предполагает, думает, воображает об объектах мира [Павиленис 1983: 106], «квант структурированного знания», «зерно первосмысла», семантический «зародыш» слова, «выражение неопределимой сущности бытия в сфере сознания», другими – «оперативная единица сознания» [Кубрякова 2004: 24], дискретная содержательная единица коллективного сознания, отражающая характерный концепт как единицу, предмет реального и идеального мира. Н.Ф. Алефиренко понимает под концептом некое целостное смысловое образование (описательно-образного и ценностно-ориентированного характера), которое является источником семантической структуры языкового знака, и формирование которого происходит в процессе языковой объективации концепта. Ученый рассматривает концепт как смысловое и конструктивное ядро любой концептосферы и объясняет свою точку зрения тем, что концепт замыкает на себе всю систему смысловых координат сознания языковой личности в парадигматических, синтагматических и этнокультурных связях.

По определению Степанова Ю.С. концепт – это источник культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в духовный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего ординарный, среднестатистический человек входит в культуру, а иногда и имеет возможность влиять на нее [Степанов 1997: 78].

Ю.С. Степанов выделяет три компонента, или три «слоя» концепта:

1) основной, актуальный признак; 2) дополнительный, или несколько дополнительных, «пассивных» признаков, являющихся уже не актуальными, «историческими»; 3) внутреннюю форму, обычно вовсе не осознаваемую, запечатленную во внешней, словесной форме [Степанов 1997: 44].

Более сложное определение концепту дает Е.С. Кубрякова, которая определяет концепт как термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная

единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике [Кубрякова 2004: 50-54]. Понятие «концепт» отвечает представлению о тех значениях, которые использует человек в своей мыслительной деятельности для отражения содержания опыта, знаний, результатов всей деятельности индивида и процессов познания миров виде неких «квантов» знания [Кубрякова 2004: 50-54]. Это определение термина «концепт» будет взято нами за основное.

Павиленис Р.И. полагает, что уяснить какой-либо смысл (концепт) – значит определить некоторую структуру, состоящую из имеющихся концептов в качестве анализаторов рассматриваемого концепта, используемого с точки зрения некого наблюдателя, находящегося вне системы, – таким образом, конструируемую систему концептов [Павиленис 1983: 286].

Одним из важнейших понятий когнитивной лингвистики является понятие концептосферы, то есть той области знаний, которая составлена из концептов как ее единиц.

Термин «концептосфера» был введен в отечественной науке академиком Д.С. Лихачевым. Концептосфера, по определению Д.С. Лихачева – это совокупность концептов народа, она образована всей совокупностью концептов носителей языка. Концептосфера нации шире семантической сферы, представленной значениями слов языка. Чем богаче культура нации, ее фольклор, литература, наука, изобразительное искусство, исторический опыт, религия, тем богаче концептосфера народа [Лихачев 1993: 5].

И концепты, и соответственно концептосфера – сущности ментальные (мыслительные), ненаблюдаемые. Современные научные данные убедительно подтверждают реальность существования концептосферы и концептов, а именно, реальность мышления, не опирающегося на слова (невербального мышления).

Необходимо отметить, что концептосфера носит достаточно упорядоченный характер. Концепты, входящие в концептосферу, по отдельным своим признакам могут иметь сходства, различия и иерархии с другими концептами. А.Н. Лук писал, что даже между понятиями *небо* и *чай* существует смысловая связь, которая может быть установлена, к примеру, следующим образом: небо – земля, земля – вода, вода – пить, пить – чай [Лук 1976: 15].

Несомненно, необходимо исследовать конкретный характер системных отношений концептов, а также общий принцип системности, который имеет влияние на национальную концептосферу, поскольку само мышление подразделяет на категории предметы мысли, а это предполагает упорядочение рассматриваемых объектов. Таким образом, концептосфера – это упорядоченная совокупность концептов народа, информационная база мышления, которое осуществляется без обязательного обращения к языку.

Главным предметом мышления выступает универсальный код, концепция которого как нейрофизиологического субстрата мышления была разработана Н.И. Жинкиным, опиравшимся на некоторые фундаментальные идеи, высказанные Л.С. Выготским. Дальнейшую разработку этой идеи осуществил И. Н. Горелов.

Единицами универсального предметного кода являются предметные чувственные образы, которые кодируют знания. Знания представлены в сознании человека концептами, а в качестве кодирующего концепт образа выступают чувственные образы, входящие в концепт как его составная часть. Таким образом, чувственная составляющая концепта кодирует содержащуюся в нем рациональную информацию, обеспечивая его функционирование как мыслительной единицы. В мыслительном процессе человек оперирует образами, которые несут и «прикрепленные» к образам рациональные знания.

Универсальный предметный код субъективен, индивидуален у каждого говорящего, поскольку он образуется у каждого человека как отражение его неповторимого, индивидуального чувственного жизненного опыта.

Единицы универсального предметного кода – это чувственные представления, схемы, картины, возможно – эмоциональные состояния, которые объединяют и дифференцируют элементы знаний человека в его сознании и памяти по различным основаниям.

Образные единицы универсального предметного кода могут косвенно обнаруживать себя. Например, когда студенты на экзамене не знают ответа на вопрос, они непроизвольно пытаются помочь себе, изображая руками перед собой в ходе рассуждения некоторые замысловатые фигуры – как бы пытаясь изобразить, передать экзаменатору тот образ, который, как они считают, кодирует необходимую им единицу знания в их сознании и для которого они не могут найти подходящие слова. Это, как правило, свидетельствует о незнании рационального, логического содержания концепта. Если человек не знает смысл какого-либо абстрактного понятия, он часто помогает себе объяснить это движениями руки. Видимо, он пытается опереться на образное ядро концепта, изобразить его (как, например, можно изобразить образное ядро таких концептов как *рябь*, *зыбь*, *винтовая лестница*, *круглый*, *квадратный*, *маленький* и др.), в то время как абстрактная идея «руками» изображена быть не может.

Универсальный предметный код является нейрофизиологическим субстратом мышления, который существует и функционирует независимо от национального языка.

Концептосфера невербальна и существует в сознании на базе универсального предметного кода автономно, независимо от языковых средств ее объективации. Необходимо четко различать *слова* и *концепты*: строго говоря, было бы неверно говорить «концепт дерево» или «концепт дерева», более точно говорить: концепт, репрезентируемый в языке словом *дерево*, представленный в системе языка словом *дерево*, вербализуемый словом *дерево* и т.д.

Проблема вербальной, языковой репрезентации, объективации концептов – это особая проблема, связанная с коммуникативными потребностями

индивидов, а не с существованием и функционированием концептосферы как субстрата мышления.

Мышление невербально, язык служит не для осуществления мышления, а для выражения, сообщения и обсуждения результатов мыслительного процесса человека; последний же есть процесс оперирования концептами.

Красных В.В. использует такой термин как *когнитивное пространство*, разграничивая *индивидуальное когнитивное пространство*, которое структурирует определенным образом совокупность тех знаний и представлений, которыми обладает любая языковая личность, т.е. каждый говорящий; а также *коллективное когнитивное пространство* – это структурированная определенным образом совокупность знаний и представлений, которыми обладают все личности, входящие в тот или иной социум [Красных 2003: 61]. Рассматривая данную концепцию, различие между двумя данными видами когнитивных пространств остается нечетким: если индивидуальное когнитивное пространство – это то пространство, которым обладает каждый говорящий, а коллективное – то, которым обладают все, то это одно и то же: то, чем обладает каждый и есть то, чем обладают все. Однако есть необходимость разграничения индивидуальной и национальной концептосфер не вызывает сомнений.

В.В. Красных выделяет также понятие *когнитивной базы*, под которой понимается определенным образом структурированная совокупность необходимо обязательных знаний и национально-детерминированных и минимизированных представлений того или иного национально-лингвокультурного сообщества, которыми обладают все носители того или иного национально-культурного менталитета [Красных 2003: 61]. Ю.Е. Прохорова отмечает, что принадлежность к определенной культуре определяется наличием базового стереотипного ядра знаний, повторяющегося в процессах социализации индивидуумов в данном обществе, и достаточно

стереотипного (на уровне этнической культуры, а не личности) выбора элементов периферии [Прохоров 1996: 14].

Лингвисты отмечают, что базовое стереотипное ядро знаний или когнитивная база народа действительно существует, но выделяется из индивидуальных концептосфер как некоторая их *часть*, в равной мере присвоенная всеми членами лингвокультурного сообщества.

Нельзя не упомянуть о существовании групповых концептосфер (профессиональная, возрастная, гендерная и т.д.). Все эти концептосферы представляют интерес для когнитивной лингвистики, можно сопоставлять групповую концептосферу с национальной, групповые концептосферы с индивидуальными, групповые и индивидуальные концептосферы друг с другом и т.д. В когнитивной лингвистике практикуется сопоставление различных национальных концептосфер между собой, что позволяет выявить национальную специфику концептуализации сходных явлений сознанием разных народов, выявить безэквивалентные концепты и концептуальные лакуны (отсутствие концепта).

Н.Ф. Алефиренко подчеркивает необходимость изучения языковой картины мира при описании и моделировании концептов и, соответственно, концептуальной картины мира, составляющими которой они и являются, поскольку в этом случае языковые знаки обеспечивают доступ к концептосфере человека, выявляя когнитивные структуры сознания, обозначенные языком [Алефиренко 2002: 7].

Делая вывод, можно сказать, что концептуальная картина мира значительно шире и богаче языковой картины мира, поскольку сведения о мире кодируются не только вербально, но и невербально (визуальным, акустическим, тактильным, проксемическим и другими кодами). Языковая и концептуальная картины мира тесно взаимосвязаны, ведь язык не мог бы выполнять роль средства общения, если бы не был связан с концептуальной картиной мира. Такая связь осуществляется в языке двояким способом. Язык взаимосвязан с

отдельными элементами концептуальной картины мира. Эта взаимосвязь выражается обычно в создании слов и средств связи между словами и предложениями. Язык объясняет содержание концептуальной картины мира, связывая в речи между собой слова.

1.2. Компоненты языковой картины мира

Картина мира – это целостный образ мира. Образ в психологии трактуется как «субъективная картина мира, включающая самого субъекта, других людей, пространственное окружение и временную последовательность событий» [Большой энциклопедический словарь 2001: 826]. Ключевым понятием в определении картины мира в целом является «представление» или «видение мира». М. Хайдеггер отмечает, что картина мира – это не картина, изображающая мир, а мир, существующий в смысле такой картины, т.е. представление мира в виде картины.

Языковую картину мира можно представить как систему лингвистических полей, главной из которых является лексическая, т.к. наибольшими «мировоззренческими» возможностями обладает лексическая система языка [Вайсгербер 2003]. Другими словами, концепция языковой картины мира является словоцентрической. Следовательно, каждый раздел языка отражает собственную картину мира.

По Л. Вайсгерберу, язык каждого народа содержит в своих понятиях определенную картину мира и передает ее всем членам языкового сообщества [Вайсгербер 2003: 250]. В каждом языке можно проследить особую точку зрения на мир, т.е. та призма, с которой смотрит на него народ, создавший данный язык.

Языковая картина мира создается:

1. номинативными средствами языка – лексемами, устойчивыми номинациями, фразеологизмами, фиксирующими то или иное членение и классификацию объектов национальной действительности, а также значимым отсутствием номинативных единиц (лакуарность разных типов);
2. национальными паремиями;
3. функциональными средствами языка – отбором лексики и фразеологии для общения, составом наиболее частотных, то есть коммуникативно-релевантных языковых средств народа на фоне всего корпуса языковых единиц языковой системы;
4. образными средствами языка – национально-специфической образностью, метафорикой, направлениями развития переносных значений, внутренней формой языковых единиц;
5. фоносемантикой языка.

В.И. Карасик [Карасик 2004: 109] выделяет ряд онтологических характеристик языковой картины мира, которые могут быть выявлены на разных участках лексико-фразеологической системы языка и по которым можно осуществить сопоставление одноименных участков языковой картины мира в разных языках:

- наличие имен концептов (хотя у некоторых концептов имена могут отсутствовать);
- неравномерная концептуализация (разная номинативная плотность одноименных участков лексических систем);
- специфическая комбинаторика ассоциативных признаков концептов (например, различие внутренней формы лексем, называющих одно и то же в разных языках);
- специфика классификации определенных предметных областей (на Востоке принято преуменьшать себя в номинации, в Европе – нет);

- специальная ориентация предметных областей на ту или иную сферу общения (много разговорных номинаций бесцельного передвижения в русском языке, много высоких наименований путешественников в Китае).

Описание языковой картины мира включает в себя:

- описание «членения действительности», отраженного языком в языковых парадигмах (лексико-семантических, лексико-фразеологических и структурно-синтаксических группах и полях);
- описание национальной специфики значений языковых единиц (какие семантические различия выявляются в сходных значениях в разных языках);
- выявление отсутствующих единиц (лакун) в системе языка;
- выявление эндемичных (выявляющихся только в одном из сравниваемых языков) единиц.

Изучение языковой картины мира само по себе имеет чисто лингвистический смысл – для описания языка как системы, для выявления того, что есть в языке и как составляющие язык элементы в нем упорядочены; но если исследователь интерпретирует полученные результаты для выявления обозначенных языком когнитивных структур сознания, описание языковой картины мира выходит за пределы чисто лингвистического исследования и становится частью лингвокогнитивного исследования – используется для моделирования и описания концептосферы, концептуальной картины мира. Языковые знаки, слова выступают в этом случае средством доступа к единой информационной базе человека – его концептосфере, являются методом выявления когнитивных структур. Исследование системных отношений в языке, а также исследование его национального семантического пространства – это моделирование вторичной, опосредованной, языковой картины мира. Важным элементом выявления языковой картины мира является сопоставление языка с другими языками. Когнитивная интерпретация результатов исследования языковой картины мира, описания национального

семантического пространства позволяет перейти от языковой картины мира к когнитивной, к описанию национальной концептосферы.

Исходя из этого, языковая картина мира – это совокупность представлений о мире, которые сложились исторически в обыденном сознании языкового коллектива. Говоря о компонентах языковой картины мира, помимо лингвистического и языкового компонентов, она включает в себя компонент культурный, в который входит опыт поколений, восприятие природного и надприродного мира как целого. Языковую картину мира можно определить как представление о мире, трансформированное в языке конкретного народа и отраженное в системе знаний о нем.

Объективный мир (действительность) изучается учеными средствами и методами науки, добывая знания и пополняя систему знаний о мире. При этом формируется представление о мире или образ мира, т. е. научная картина мира. Функциями науки являются добывание и новых, ранее неизведанных знаний, их систематизация и объяснение явлений окружающего мира. На основании созданной системы знаний формируется научная картина мира в общественном сознании как социальный опыт, накопленный человечеством в конкретную историческую эпоху. Поэтому научная картина мира является изменчивой категорией. Если мы говорим об изучении молодым поколением существующей картины мира как социального опыта на данном этапе развития науки и общества, то в этом смысле научная картина мира является предметом изучения различных дисциплин в образовательных учреждениях разного уровня (физическая картина мира — предмет изучения дисциплины «физика», биологическая картина мира — предмет изучения дисциплины «биология» и т.д.).

Разница между языковой картиной мира и научной картиной мира в том, что языковая картина не является предметом изучения лингвистики (предметом изучения является сам язык). Формирование научной картины мира в

общественном сознании как социального опыта и в индивидуальном сознании учащихся можно представить в виде следующих этапов:

- наука добывает новые знания (о явлениях, новых законах, фактах), описывает их специфическим языком;
- научная картина мира формируется в общественном сознании как социальный опыт;
- научная картина мира как социальный опыт изучается молодым поколением в системе образования, опираясь на систему научных знаний (т. е. она является предметом изучения дисциплин);
- в индивидуальном сознании формируется научная картина мира, адекватная, отраженная в общественном сознании;
- одной из задач является формирование в индивидуальном сознании личности адекватной научной картины мира как социального опыта человечества.

Как научная, так и языковая картины мира представляют собой, по Б. Уорфу, «систему анализа окружающего мира» [Уорф 1960]. Следовательно, как в первой, так во второй мы имеем дело с моделированием мира. В этом их сходство, существенное различие, на наш взгляд, состоит в том, что первая – результат деятельности ученых, а другая – результат деятельности рядовых носителей языка.

В настоящее время в условиях формирования глобального информационного пространства человеческого общества понятие картина мира приобретает особую актуальность. Это связано с тем, что современная картина мира представляет нашу жизнь как информационно-управляемый материальный мир, глобальный обмен информацией [Зенин 2003], а современное образовательное пространство неизбежно приобретает смысл информационной системы, которая выступает в качестве пространства формирования личности информационной цивилизации, освоившей информационную картину мира. Информационная картина мира представляет

собой многомерную информационную пространственно-временную модель, состоящую из различных символов, сигналов, информационных потоков и т. п. в их совокупности [Извозчиков, Лаптев, Потемкин 1999]. В основе научной картины мира находится специфический научный язык символов, знаков, обозначений объектов, схем, моделей.

Исходя из этого, можно выделить общие и специфические признаки языковой и научной картин мира. Как языковая, так и научная картины мира: отражают действительность, окружающий мир, являются целостным образом мира, его моделью; формируются только у языковых сообществ (при этом физиков, математиков, биологов можно отнести к сообществам, которые общаются на специфических для каждой области знаний языках); обе картины существуют изначально в общественном сознании и затем формируются в индивидуальном сознании каждой особи языкового сообщества; та и другая картина навязываются языковым сообществом каждому члену языкового сообщества.

Помимо схожих черт, научная и языковая картины мира имеют ряд различий: язык и картина мира (языком языковой картины мира является обыденный язык, однако языком научной картины мира является научный язык, специфический для всех сообществ: для физиков – формулы, для музыкантов – нотная грамота); язык и языковое сообщество (содержание и специфика обыденного языка определяются национальной принадлежностью, а содержание и специфика научного языка определяются принадлежностью языкового сообщества к определенной области знания: физике, химии, биологии и т. д.); источник и хранилище картины мира (языковая картина мира содержится в обыденном языке языковых сообществ, отражающих его специфику, и хранится в устной речи и в ненаучных источниках информации: фольклор, публицистика, а научная картина мира содержится в системе научных знаний соответствующих областей знаний: физика, химия и т.д.); картина мира как предмет изучения (языковая картина мира не является

предметом изучения лингвистики как учебной дисциплины, так как предметом изучения является сам язык, а в научной картине мира предметом изучения дисциплин является соответствующая картина мира: физическая картина мира – физика, экологическая картина мира – экология и т. д.); картина мира и наука (по отношению к науке языковая картина мира является наивной, ненаучной, а научная картина мира научна); процесс создания картины мира (языковая картина мира создается стихийно, а научная картина мира создается учеными в системе научных учреждений).

Структура языковой и научной картин мира примерно одинакова, так как обе отражают реальный мир. Более того, обе картины мира как образы и модели мира имеют общие черты, только научная картина мира в отличие от языковой создается с помощью научных фактов, законов, доказательств и объяснений, заключенных в научных изданиях (статьях, журналах, монографиях). Компонентами картин мира являются представления о компонентах реального мира.

Следовательно, языковая и научная картины мира включают в себя следующие компоненты:

1. Образ мира социума включает в себя представления о человеке как о биологическом и как о социальном существе; государственном и экономическом устройстве общества и его управлении; религии; семье; этических и правовых нормах поведения в семье и обществе; культуре и ее наследии; истории человеческого общества; мировоззрении; науке и творчестве; информации.

2. Образ мира живой и неживой природы, т.е. представления об объектах реального мира естественного происхождения на микро-, макро- и мегауровнях; искусственно созданных человеком (на макроуровне); пространстве (границы, свойства); времени (летоисчисление, календарь); происхождении мира и продолжительности его существования (космогенез); источниках информации. Частично структура языковой картины мира

«перекликается» с интерпретацией языковой картины мира Ю.Д. Апресяна, согласно которой в наивной картине мира можно выделить наивную геометрию, наивную форму пространства и времени, наивную этику и психологию и т. д. [Русская языковая картина 2006].

Таким образом, можно сделать выводы:

- научная картина мира отражает научное знание, переданное языком науки (в математике, химии, физике – языком формул, графиков, символов). Усвоение научных знаний осуществляется на языке, имеющем специфический научный стиль, характеризующийся экономией языковых средств. Поэтому любая научная картина мира является специфически языковой картиной мира (каждая научная картина мира имеет свой специфический язык);
- языковая картина мира, в отличие от научной, не является предметом изучения языковых дисциплин (лингвистика, русский язык, иностранный язык);
- В научной картине мира, как и в языковой, мы имеем дело с моделированием мира, который выражен посредством языка, специфического для каждой науки;
- следует различать научную картину мира как социальный опыт человечества, сформированный в общественном сознании наукой, и научную картину мира как образ мира в индивидуальном сознании учащихся, при этом научная картина мира является предметом изучения различных дисциплин;
- современная научная картина мира представляет наше бытие как информационно-управляемый материальный мир, который познает любой разумный субъект, достигший соответствующего уровня развития, осознавший свое включение в это глобальное информационное пространство.

На сегодняшний момент в исследованиях, связанных с изучением языковой картины мира выделяют 2 направления: анализ для данного языка концептов и реконструкция цельного, донаучного взгляда на мир. Е.С. Яковлева в своих исследованиях, посвященных языковой

картине мира, описывает научные понятия, в совокупности образующие научную картину мира, и «наивные», используемые человеком независимо от знаний тех или иных научных дисциплин и владения научной картиной мира [Яковлева 1994: 9]. Ю.Д. Апресян языковую картину мира называет наивной в том смысле, что она отражает обывательские, обиходные представления о мире и научные определения и языковые толкования не всегда совпадают по объёму и даже по содержанию [Апресян 1995: 357].

В языковой модели мира можно выделить следующие характеристики:

- каждый естественный язык отражает определённый способ восприятия и организации, или концептуализации мира. Выражаемые в нём значения формируются в единую систему взглядов, которая навязывается как обязательная всем носителям языка;
- взгляд на мир через призму языка универсален и национально специфичен, поэтому каждый язык «описывает» свою картину, отображающую действительность, отлично от другого языка;
- наивные представления в языковой картине мира отнюдь не примитивны. Во многих случаях они не менее сложны и интересны, чем научные. Ценность языковой картины мира в том, что она отражает целостное восприятие мира, во всей его совокупности логических, научных, наивных, а также не поддающихся объяснению представлений о мире.
- наивные представления не хаотичны, а образуют определённые системы, которые могут быть зафиксированы в словаре как отражение воплощённой в данном языке наивной картины мира. Современные исследователи реконструируют по данным лексических и грамматических значений соответствующий фрагмент наивной картины мира;
- научная картина мира постоянно меняется, языковая картина мира также вариативна, изменчива, непостоянна. Однако в ней есть стабильные элементы, обеспечивающие взаимопонимание людей. В силу данного

обстоятельства она сохраняет в языке целостный, специфичный для конкретного языка взгляд на мир;

- языковая картина мира исследуется в двух аспектах: статическом и динамическом. В рамках первого направления дается представление о языковой картине мира как результате уже совершившегося процесса. При этом языковая картина мира отражается прежде всего в словаре. Второй решает проблему, как создается образ действительности средствами того или иного языка, в контексте речевой деятельности;

- человек мыслится в языковой картине мира, прежде всего, как динамическое, деятельное существо. Языковая картина мира зависит от физического и культурного опыта личности, поэтому «вариативность картины мира, присущей субъекту, специфицирует не только различные национальные, культурологические общности, но и различные социальные, профессиональные, возрастные группы, и далее можно говорить о специфике мировосприятия конкретной личности, о присущих ей способах категоризации действительности, о индивидуальном «языке личности» [Петренко 1988: 31-32].

Можно сделать вывод, что языковая картина мира – это исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности. Картина мира не есть зеркальное отражение мира, это всегда некоторая интерпретация, связанная с индивидуальным, социальным опытом человека, с культурой народа и т.д.

Безусловный интерес для исследователя представляет детская картина мира, в том числе и языковая. Ученые, занимающиеся изучением картин мира в различных парадигмах научного знания, рассматривают детскую языковую картину мира в двух аспектах: в противопоставлении ее со взрослой и анализ различных фактов языка на материале детской речи. «Ребенок, на наш взгляд, – это особый тип языковой личности, формирующий свой, особый

взгляд на мир и на себя в этом мире. Образ мира, запечатленный в языке детей, во многом отличается от «картины мира» взрослых носителей языкового сознания, что объясняется свойствами мышления детей, своеобразием их мироощущения и мировосприятия» [Тухарели 2001: 7].

Модель (образ) мира ребенка, с одной стороны, перенимается им от взрослого, а с другой стороны, активно формируется самим ребенком в результате различных видов индивидуально-творческой деятельности, значимых для ребенка определенного возраста. Ведущими среди них являются следующие: игра, элементарный труд (в дошкольном возрасте); учение, чтение и письмо (в младшем школьном возрасте); изобразительная деятельность. Характерной особенностью данных видов деятельности ребенка является их формализованность, ритуальность, структуризованность, что, несомненно, влияет на особенности их языкового воплощения. Поскольку картина мира подвижна, всегда находится в состоянии развития, изменения на протяжении всей жизни человека, один из этапов которой – детская языковая картина мира.

Вопрос о детской языковой картине мира имеет давние традиции. С.Н. Цейтлин считает, что если языковое сознание взрослого человека отражает так называемую «наивную» картину мира, то детское языковое сознание служит отражением картины мира, которую можно было бы считать «наивнейшей» [Никитина 2009: 117]. Если картина мира и разнообразные ее типы активно изучаются наукой, то детская языковая картина мира относится к числу малоизученных.

М.Я. Блох выдвигает положение о семи этапах эволюции целостной картины мира в сознании человека вместе с ее оценочной частью в виде менталитета. При этом он выделяет этапы (последовательно сменяющие друг друга картины мира), в число которых включаются: младенческая (доязыковая картина мира); детская, совмещающая чувственную картину мира с развивающейся языковой; отроческая, существенно языковая [Блох 2011: 116].

Рассматривая специфику детской языковой картины мира, следует остановиться на следующих положениях:

- детская языковая картина мира отражает определенный способ восприятия и организации мира ребенка, в соответствии с его опытом и возрастом. В психолингвистических исследованиях подчеркивается ведущая роль познавательной деятельности при познании мира и номинации ребенком предметов и явлений окружающей действительности;

- взгляд ребенка на мир через призму языка во многом зависит от ведущей роли взрослого, подражая речевым высказываниям которого ребенок овладевает языком. Подрастая, ребенок приобщается к языку через общение со взрослыми и сверстниками, а также погружаясь и воспринимая окружающую речевую среду, которая может быть как благоприятной, так и негативной;

- наивные представления в языковой картине мира ребенка примитивны в соотношении с языковой картиной мира взрослого. Однако, они интересны исследователю, постигающему законы овладения человеком языком как знаковой системой, а также как репрезентация ребенком своего видения мира, в которой вербально проявляется специфика детского мировосприятия, его многогранность, неоднозначность, в некоторой степени автономность, отражающего достигнутый к данному моменту уровень когнитивного развития ребенка. «Несомненно, что и сам язык, закрепивший в своих единицах и категориях способ членения и означивания мира, косвенным образом воздействует на восприятие этого мира» [Цейлин 2009: 16].

- наивные представления ребенка, как и взрослого, образуют определённые системы, которые могут быть зафиксированы в словаре как отражение воплощённой в детском языке наивной картины мира [Харченко 2002]. Современные исследователи реконструируют по данным лексических и грамматических значений соответствующие фрагменты детской языковой картины мира;

- ученые отмечают противоречивость устройства детской языковой картины мира: с одной стороны, идет ее постоянное обновление и обогащение новыми компонентами и гранями, с другой – традиция и традиционные вербальные образы составляют его прочную и инвариантную основу [Петрова 2009: 12].

- в ходе языкового развития ребенка, он не просто присваивает взрослую языковую картину мира, но конструирует самостоятельно свою собственную, все более уточняемую и сближающуюся постепенно со взрослой картиной мира [Цейлин 2009];

- детская языковая картина мира функционирует в детской речи. Детская речь, языковые факты которой подвергаются изучению, является фокусом особого детского взгляда на мир, особого целостного, соответствующего определенному возрасту представлению о мире.

Однако на данном этапе развития лингвистики детской речи при этом остается невыясненным множество проблем, например: какова структура картины мира ребенка; как сам ребенок относится к факту владения им языком; как существующая в его сознании картина мира может быть выражена текстуально, в виде устного рассказа; описание фрагмента языковой картины мира ребенка, созданного в результате анализа использования им, например, элокутивных средств и рассматриваемого через призму его речевых и личностных характеристик.

Итак, картина мира определяется как упорядоченная система знаний о мире, сформированная в общественном сознании. Картина мира не есть зеркальное отражение мира, это всегда некоторая интерпретация, связанная с индивидуальным, социальным опытом человека, с культурой народа и т.д. Языковая картина мира рассматривается как часть концептуальной картины мира, исследуется в двух аспектах: статическом и динамическом. Детскую языковую картину мира можно назвать «наивнейшей», в которой присутствует сильный чувственный компонент восприятия действительности,

отражается определенный способ восприятия и организации мира ребенка, в соответствии с его опытом и возрастом. В ходе языкового развития ребенок не просто присваивает взрослую языковую картину мира, но конструирует самостоятельно свою собственную.

1.3. Методы анализа языковой картины мира

Посредством языка часто передаются мировоззренческие константы, которые представляют собой систему всех систем, где все уровни языка участвуют в процессе экспликации индивидуального мировосприятия. Все компоненты объединены системными отношениями в языке.

Языковую картину мира личности следует определить как индивидуально и творчески вербализованное представление о мире, пропущенное через призму сознания говорящего, внутренняя духовная действительность, которую «художник» стремится воплотить вовне. Ключом к языковой картине мира личности является анализ его индивидуальной языковой системы, как особым образом организованной иерархической структуры, в которой проявляется специфика индивидуального художественного мышления, видения мира и его воплощения.

К рассмотрению языковой картины мира личности, которая проявляется в индивидуальной языковой системе говорящего, можно выделить принципиально отличные подходы и методы ее анализа. В лингвистике существует множество подходов к анализу языковой картины мира. В данной работе будут рассмотрены 3 наиболее распространенных метода к анализу картины мира: метод языкового сознания А.Н. Леонтьева, подход к анализу языковой картине мира Ю.Д. Апресяна, метод анализа лексико-семантических полей Ю.Н. Караулова.

Остановимся на **методе языкового сознания**. А.Н. Леонтьев в своем научном труде «Деятельность. Сознание. Личность», говоря о сознании человека, пишет: «Сознание в своей непосредственности есть открывающаяся субъекту картина мира, в которую включен он сам, его действия и состояния» [Леонтьев 1975: 67]. А.Н. Леонтьев продолжает труды Л.С. Выготского: «Сознание имеет языковую, речевую природу ... Иметь сознание – владеть языком. Владеть языком – владеть значениями. Значение есть единица сознания» [Леонтьев 1983: 9]. Согласно теории А.Н. Леонтьева, функция сознания состоит в том, чтобы субъект мог действовать на основе возникающего субъективного образа.

В характеристике феномена сознания А.Н. Леонтьев подчеркивает его системность, а также описывает его психологическую структуру, включающую значения, личностный смысл и чувственную ткань. Причем чувственная основа придает реальность сознательной картине мира. А.Н. Леонтьев отмечает, что в термине «языковое сознание» объединены две различные сущности: сознание – психический феномен нематериальной природы (его нельзя измерить по пространственным признакам, он непространственен, нельзя услышать, посмотреть на него) и материальный феномен произносимой или записываемой речи, а также физиологический процесс формирования вербальных языковых связей. Речь можно зафиксировать с помощью физических приборов, услышать, записать миограмму артикуляторных мышц, можно объективно зарегистрировать ход формирования и угасания межсловесной (языковой) связи и т.п., то есть речь – материальный процесс, несущий информацию [Леонтьев 1975: 55].

Рассмотрим пример соотношения мысли, сознания и речи, которые являются по своей сути метафорами и не способны служить научным объяснением реального процесса. Одна из таких метафор: «мысль проливается дождем слов», «мысль подобна нависшей туче» [Выгодский 1991: 7]. Здесь туча является аналогом сознания, мысли; дождь – речи. Может быть, об этом не

стоило бы и говорить, если бы такого рода объяснения не фигурировали повсеместно на протяжении долгого времени вплоть до новых учебников. В приведенном примере, как очевидно, описываются однопорядковые материальные сущности: вода, находящаяся в газообразном состоянии, и вода в жидком состоянии. Однако вся загадка соотношения сознания и речи как раз и состоит в том, что эти явления относятся к разнопорядковым сущностям: материальной и нематериальной. Таким образом, аналогия с переходом одного и того же химического вещества из одного состояния в другое не подходит для рассматриваемого нами случая [Ушакова 1998: 20].

Рассматривая метод языкового сознания А.Н. Леонтьева, следует отметить, что языковое сознание человека – понятие сложное, комплексное, системно организованное. О системе языкового сознания можно говорить, лишь проанализировав всю совокупность связей системы языкового сознания. Практика лингвистического и психолингвистического анализа обычно обеспечивает выявление некоторых уровней или структур сложной системы. Методический инструментальный анализ процессов смыслообразования и выявления системно-структурной организации языкового сознания как сложной смысловой структуры продолжает разрабатываться и остается весьма далеким от выдвигаемых современной наукой целей адекватного и верифицируемого моделирования процессов языкового сознания [Кинцель 1998: 5].

Следующий на очереди к рассмотрению – **подход к анализу языковой картине мира Ю.Д. Апресяна**. В своем труде «Лексическая семантика» Апресян Ю.Д. обращает внимание на различия между языковой и наивной картин мира. Во многих существенных отношениях языковая картина мира является более обыденной, отличной от научной картины мира. При этом обыденность не показатель ее примитивности. Складывающаяся веками наивная картина мира, в которую входит наивная геометрия, физика, психология и т.д., отражает материальный и духовный опыт народа – носителя

данного языка, именно поэтому может быть специфичной для него в двух отношениях: 1) наивная картина некоторого участка мира может разительным образом отличаться от чисто логической, научной картины того же участка мира, которая является общей для людей, говорящих на самых различных языках; 2) наивные картины мира, извлекаемые путем анализа из значений слов разных языков, могут в деталях отличаться друг от друга, в то время как научная картина мира не зависит от языка, на котором она описывается. Например, с «русской» точки зрения, диван имеет длину и ширину, а с «английской» точки зрения – длину и глубину; в Германии ширину дома можно измерить в окнах, а в России этот способ необычен, хотя и понятен [Апресян 1995: 59]. Ю.Д. Апресян делает вывод, что через призму своих собственных языков носители могут видеть мир в различных аспектах по причине свойственной языку концептуализации, а представления о внутреннем мире человека являются результатом и опытом жизнедеятельности многих поколений на протяжении многих веков и способны служить некоторыми проводниками в настоящий мир [Апресян 1974: 63].

Особенно интересен образ самого человека, который был создан русской языковой картиной мира. В результате рассмотрения широкого круга русской лексики, которая рассматривает действия и состояния человека, Ю.Д. Апресян предоставляет следующее описание: человек в языковой картине мире представляется как особое существо, создающее или выполняющее деятельность. Это три основных и различных вида деятельности: физические, интеллектуальные и речевые, к которым относятся определенные состояния: восприятие, желания, мнения и эмоции. Посредством данных состояний, у человека есть возможность реагировать на внешние и внутренние воздействия [Апресян 1974: 71]. В большинстве случаев всем системам соответствует однородная единица семантического метаязыка:

1. Физическое восприятие. К данной категории относится зрение, слух, обоняние, осязание. И к чувствам соответственно относятся органы: глаза, ухо,

нос, кожа. Базовое составляющее высказывания – воспринимать [Апресян 1974: 77].

2. Физиологическое состояние. К данной категории относятся: голод, жажда, нужда, боль. И соответственно относятся различные части тела, в данном случае физиологические состояния локализуются в различных частях тела. Базовое составляющее высказывания – ощущать [Апресян 1974: 79].

3. Физиологические реакции разные воздействия. К данной категории можно отнести следующие реакции: холод, бледность, жар, сердцебиение. И соответственно различные части тела: лицо, сердце, горло, тело [Апресян 1974: 83].

4. Физические действия и деятельность. В данном случае примером будут следующие действия: отдыхать, бежать, идти, пилить, наливать, кушать. И соответственно данные действия происходят посредством различных частей тела: руки, ноги, голова, все тело [Апресян 1974: 87].

5. Желания. Примером могут быть: хотеть, предпочитать, стремиться. В большей степени они связаны с потребностями человека и их удовлетворением и относятся, как правило, к телу. Так же желания, направленные на удовлетворение духовных потребностей и локализация их непосредственно в душе человека. Базовое составляющее высказывания – хотеть [Апресян 1974: 90].

6. Интеллектуальная деятельность и ментальные состояния. Далее приведен пример указанной категории: воображать, представлять, полагать, интуиция, озарение, знать, верить, помнить. Орган, совершающий данную категорию действий – голова, а точнее мозг. Базовое составляющее высказывания – знать, считать [Апресян 1974: 92].

7. Эмоции. Примером могут быть следующие единицы: бояться, сердиться, ревновать, обижаться. Эмоции классифицируются на низшие и высшие. Низшие эмоции присущи как человеку, так и животному: страх, ярость, удовольствие. Высшие эмоции свойственны только человеку: надежда,

стыд, вина. Основная локализация в душе и сердце. Базовое составляющее высказывания – чувствовать [Апресян 1974: 95].

8. Речь. К данной категории относятся следующие примеры: объявлять, обещать, говорить, объявлять. Базовое составляющее высказывания – говорить [Апресян 1974: 98].

Каждая из приведенных категорий имеет внутреннюю организацию. А также категории могут взаимодействовать друг с другом. Научную картину мира чаще всего противопоставляют языковой картине мира. С возрастом, постигая мир, ребенок образует концептуальную картину мира с помощью языка в том числе. В дальнейшем он сравнивает свой опыт с опытом других людей и тем самым корректирует свой собственный опыт.

Языковая картина мира чаще всего определяется как выполняющая функцию формирования человека в мире, в том числе, систематизации получаемой им информации.

Таким образом, подход к анализу языковой картины мира Ю.Д. Апресяна показывает, что язык очень часто вводит некоторое ограничение субъективного описания мира. Посредством языка человек стремится приблизиться к объективной точке зрения. Язык субъективен в своем отражении (холодный-горячий, близкий-далекий, добрый-злой). В остальных случаях язык ориентируется на представленную реальность окружающей действительности. Языковая картина мира непосредственно отражает обывательские, бытовые и повседневные представления о мире, а научная картина мира представляет собой в большей степени представления о мире, вырабатываемые в науке и выражаемые с помощью фундаментальных понятий и научных методов [Апресян 1974: 58].

Рассмотрим метод анализа лексико-семантических полей Ю.Н. Караулова. Термин «лексико-семантическое поле» не получил однозначного толкования в языкознании. Ю.Н. Караулов в своей статье «Структура лексико-семантического поля» даёт такое определение лексико-

семантическому полю (ЛСП): «лексико-семантическим полем называется группа слов одного языка, достаточно тесно связанных друг с другом по смыслу» [Караулов 1972: 57]. Термин «лексико-семантическое поле» даёт возможность включить в классификацию полей вид, который отечественные языковеды называли «лексико-семантической группой», «состоящей из полисемантов, объединённых по основному значению» [Васильев 1971: 107].

Несмотря на то, что единого определения ЛСП нет, можно назвать ряд базовых признаков ЛСП, которые выделяются большинством исследователей: ЛСП – это система взаимосвязанных семантических единиц; в основе ЛСП – ядерный элемент, который связан со всеми компонентами поля; ЛСП имеет структуру, состоящую из двух обязательных зон: ядра и периферии.

Лексико-семантическое поле – это система взаимосвязанных семантических единиц, имеющих общий ядерный элемент. Например, в русском языке можно выделить лексико-семантическое поле «Дом». Ядром поля является лексема дом. В состав центра входят близкие по смыслу слова: семья, родина, жилище, изба, кирпичный, деревянный и др. На периферии находятся лексемы, имеющие ассоциативные связи с ядром поля: рябина, сирень, пёс, чайник, Россия, Москва, счастье, уют и т.д. [Забродкина 2008].

Ю.Н. Караулов в своих работах убедительно доказал, что слово непосредственно отражает действительность, поскольку оно входит в семантическое поле, которое является главной единицей языковой картины мира, тогда как главным компонентом концептуальной картины мира являются константы сознания (концепты). Поскольку языковая картина мира и концептуальная картина мира тесно взаимосвязаны, лексико-семантическое поле может быть средством вербализации того или иного концепта. [Шафигов 1999: 38].

Между единицами ЛСП можно выявить различные отношения. Большинство учёных говорят о парадигматических и синтагматических отношениях внутри поля. Парадигматическими называются отношения,

возникающие между членами какого-либо ряда (синонимического, антонимического, ассоциативного и др.) на основе общности или противоположности. Это отношения по вертикали. Единицей парадигматических отношений является парадигма, то есть «ряд противопоставленных языковых единиц, каждый член которого определяется отношениями к другим членам ряда» [Русский язык. Энциклопедия русского языка, электронный ресурс]. Например, слово радость имеет синонимическую парадигму: радость – счастье – удовольствие и т.д.; а также антонимическую парадигму: радость – горе – печаль и т.д.

Синтагматическими считаются отношения линейной последовательности единиц на основе сочетаемости. Это отношения по горизонтали. Единицей синтагматических отношений является синтагма, то есть «интонационно-смысловое единство, которое выражает в данном контексте и в данной ситуации одно понятие и может состоять из одного слова, группы слов и целого предложения» [Русский язык. Энциклопедия русского языка, электронный ресурс]. Так, например, слово радость может образовывать разные синтагмы в речи: большая радость, нечаянная радость, радость жизни и др.

Рассматривая метод анализа лексико-сематических полей, можно сделать вывод, что в последние годы полевая методика активно применяется в лингвистической поэтике с целью исследования языка писателя или отдельного художественного произведения. Полевой метод помогает выявить характерные особенности авторского мировоззрения, идиостилевые доминанты творчества и на основе выделения главных лексикосемантических полей сделать вывод о языковой картине мира писателя или его героев [Кочнова 2005: 41].

Таким образом, рассмотрев 3 наиболее распространенных метода к анализу картины мира: метод языкового сознания А.Н. Леонтьева, подход к анализу языковой картине мира Ю.Д. Апресяна, метод анализа лексико-семантических полей Ю.Н. Караулова, можно сделать вывод, что каждый из методов имеет свои достоинства и недостатки, поэтому невозможно выделить

один универсальный метод для проведения тщательного анализа картины мира автора произведения, конкретного героя, поскольку язык художественной литературы – это сложно структурированная система организации языковых единиц в художественном тексте. Несмотря на это, в своей дальнейшей работе мы будем основываться на методе Ю.Н. Караулова, но вместо выделения лексико-семантических полей мы будем выделять лексико-семантические группы.

Язык художественной литературы выходит за пределы системы функциональных стилей русского литературного языка и отличается особой эстетической функцией, суть которой состоит в эстетическом и эмоциональном воздействии на адресата. Понятие язык художественной литературы связано с такими важными для лингвистической поэтики понятиями, как поэтический язык, художественная речь, текст, дискурс и др. Слово в художественном тексте трансформируется: происходит изменение семантической структуры, возникновение ассоциаций и коннотаций у различных лексем. Большое значение при этом имеет контекст.

Выводы по 1 главе

В главе 1.1 мы рассмотрели подходы к трактовке понятия «картина мира». Рассмотрению данного понятия посвящены многие работы отечественных лингвистов (Е.М. Верещагин, Г.В. Колшанский, В.Г. Костомаров, О.А. Корнилов, В.А. Пищальникова, Б.А. Серебренников, Э.Д. Сулейменова, и др.). Некоторые лингвисты отмечают, что понятия «видение мира», «образ мира», «мировидение», «восприятие мира», «модель мира», «образ действительности», «тезаурус» являются синонимичными.

По мнению ученых-лингвистов З.Д. Поповой и И.А. Стернина, картина мира – совокупность представлений народа о действительности, закрепленные в единицах языка, представление о действительности, отраженное в языковых знаках и их значениях. Данное определение будет использовано нами как основное.

Нами были рассмотрены виды картин мира, поскольку в современном языкознании философы и лингвисты различают две картины мира: языковую и когнитивную (концептуальную).

Языковая картина мира представляет собой образ сознания окружающего мира, отраженный при помощи языковых средств. Индивид познает язык так же, как и окружающие его события и явления.

Концептуальная картина мира намного шире и богаче языковой картины мира, так как данные о мире отражаются не только вербально, но и невербально. Концептуальная картина мира намного шире и богаче языковой картины мира, поскольку сведения о мире кодируются не только вербально, но и невербально (визуальным, акустическим, тактильным, проксеимическим и другими кодами).

Языковая и концептуальная картины мира неотделимы друг от друга. Язык не мог бы выполнять роль средства общения, если бы не был связан с концептуальной картиной мира. Эта взаимосвязь выражается обычно в создании слов и средств связи между словами и предложениями. Язык объясняет содержание концептуальной картины мира, связывая в речи между собой слова.

В главе 1.2 мы уделили внимание компонентам языковой картины мира. Так, Л. Вайсгербер, отмечает, что в любом языке можно увидеть определенный взгляд на мир. Именно поэтому, Л. Вайсгербер выделяет следующие компоненты, которые формируют языковую картину мира: номинативные средства языка (лексемы, фразеологизмы и т.п.); национальные паремии; функциональные средства языка (отбор лексики и фразеологии для общения).

Говоря о компонентах языковой картины мира, помимо лингвистического и языкового компонентов, она включает в себя компонент культурный, в который входит опыт поколений, восприятие природного и надприродного мира как целого. Языковую картину мира можно определить как представление о мире, трансформированное в языке конкретного народа и отраженное в системе знаний о нем.

Объективный мир (действительность) изучается учеными средствами и методами науки, добывая знания и пополняя систему знаний о мире. При этом формируется представление о мире или образ мира, т. е. научная картина мира. В настоящее время картина мира представляет собой информационно-управляемый материальный мир, глобальный обмен информацией в связи с формированием глобального информационного пространства человеческого общества. В основе научной картины мира находится специфический научный язык символов, знаков, обозначений объектов, схем, моделей.

Как научная, так и языковая картины мира имеют ряд сходств и различий. Бесспорно, что обе картины мира моделируют окружающий мир, однако

научная картина мира является результатом деятельности ученых, а языковая – итогом работы рядовых носителей языка.

Безусловный интерес для исследователя представляет детская картина мира, в том числе и языковая, поскольку детская языковая картина мира отражает определенный способ восприятия и организации мира ребенка, в соответствии с его опытом и возрастом. Наивные представления ребенка образуют определённые системы, которые могут быть зафиксированы в словаре как отражение наивной картины мира. Детскую языковую картину мира можно назвать «наивнейшей», в которой присутствует сильный чувственный компонент восприятия действительности, отражается определенный способ восприятия и организации мира ребенка, в соответствии с его опытом и возрастом. В ходе языкового развития ребенок не просто присваивает взрослую языковую картину мира, но конструирует самостоятельно свою собственную.

В главе 1.3 мы рассмотрели 3 наиболее распространенных метода к анализу картины мира: метод языкового сознания А.Н. Леонтьева, подход к анализу языковой картине мира Ю.Д. Апресяна, метод анализа лексико-семантических полей Ю.Н. Караулова, поскольку полный и комплексный анализ языковой картины мира невозможен без рассмотрения основных методов. Каждая из рассмотренных нами теорий и методов имеет свои сильные и слабые стороны. Несмотря на это, в своей дальнейшей работе мы будем основываться на методе Ю.Н. Караулова, но вместо выделения лексико-семантических полей мы будем выделять лексико-семантические группы, поскольку, на наш взгляд, для рассмотрения «наивнейшей» картины мира именно выделение лексико-семантических групп является самым подходящим для анализа языковой картины мира ребенка.

Глава 2. Компоненты формирующие языковую картину мира

В данной главе будут рассмотрены, проанализированы и описаны основные семантические группы в произведении Ч. Диккенса «David Copperfield», обозначена их роль.

Для проведения анализа примеров, относящихся к основным 5 семантическим группам, мы взяли 288 примеров, относящиеся к 5 главным семантическим группам, отобранные методом сплошной выборки.

Выявленные семантические группы языковой картины мира позволяют провести ее комплексный анализ. В данной главе мы проведем анализ выделенных нами семантических групп, основываясь на методе Ю.Н. Караулова, но вместо выделения лексико-семантических полей мы будем выделять лексико-семантические группы.

2.1. Семантические группы языковой картины мира Дэвида Копперфильда

Первое ощущение, которое возникает у каждого человека, это чувство опасности, исходящей извне, из мира, таящего в себе массу опасностей. Чтобы действовать в нем, человек должен, прежде всего, определить: конкретные источники внешней опасности; то, что надо сделать, чтобы не навлечь эту опасность на себя; то, что надо делать, чтобы ее преодолеть; то, в каких отношениях он должен быть с другими людьми; то, нуждается ли он в их помощи; то, каким образом возможно совместное действие и какими качествами должен обладать коллектив людей, чтобы решиться на действие. Если окружающую действительность не рационализировать таким образом, то

в ней невозможно осмысленно действовать. Структурирование же мира создает призму, через которую человек видит мир и себя в нем [Абрамова 2017: 57]. Индивид адаптируется к реальному миру, дает свое название, определяет его место в мироздании. Так создается картина мира, т. е. некоторое связанное представление о бытии присущее членам какого-либо этноса.

Анализ языкового материала позволяет выделить семантические группы, формирующие языковую картину мира главного героя произведения Дэвида Копперфильда: «family», «friends», «home», «adversaries», «love».

Для проведения детального анализа, рассмотрим выделенные группы более подробно и приведем примеры.

1. Семантическая группа «family». Как известно, семья для ребенка является самой ценной и важной частью его жизни. Так и для главного героя произведения Дэвида, воспитание, которое он получил в своей семье в детстве оказало большое влияние на его дальнейшую жизнь. Поскольку Дэвид родился в достаточно зажиточной семье, его воспитанием в основном занималась прислуга Пегготи, которая безумно любила главного героя Дэвида, как родного сына.

Методом сплошной выборки нами было найдено 78 примеров, относящихся к данной семантической группе. Проведем анализ самых ярких из них, основываясь на методе Ю.Н. Караулова.

Рассмотрим следующий пример:

(1) “...*I really thought she was, she had been so short with me; but I was quite mistaken: for she laid aside her work (which was a stocking of her own), and opening her arms wide, took my curly head within them, and gave it a good squeeze. I know it was a good squeeze, because, being very plump, whenever she made any little exertion after she was dressed, some of the buttons on the back of her gown flew off. And I recollect two bursting to the opposite side of the parlour, while she was hugging me” [Dickens 2007: 10].*

В данном контексте мы можем увидеть взаимоотношения служанки Пегготи с главным героем Дэвидом, которая после каверзного вопроса ребенка «*But WERE you ever married, Peggotty?*» не могла на него злиться («*she had been so short with me*»), а обняла его и отнеслась с пониманием и любовью («*opening her arms wide*», «*she was hugging me*», «*gave it a good squeeze*») учитывая то, что дети младшего возраста достаточно любопытны, каким и был главный герой. Данный пример мы относим к семантической группе «family», потому что няня Пегготи для Дэвида была близким человеком, воспитывала и любила его с самого рождения. Няня переживает о Дэвиде, помогает ему и поддерживает на протяжении всего романа.

Еще один из самых важных людей в жизни Дэвида – это его мама Клара Копперфильд. С самых первых страниц мы узнаем, что она в раннем возрасте становится вдовой, из-за чего сильно переживает. При описании образа матери Дэвид чаще всего использовал выражение «*my poor mother*», что достаточно красочно описывает жалость, любовь и сострадание, которые он чувствовал к ней. Рассмотрим еще один пример взаимоотношений матери Клары Копперфильд с главным героем:

(2) “*And my dear boy, cried my mother, coming to the elbow-chair in which I was, and caressing me, “my own little Davy! Is it to be hinted to me that I am wanting in affection for my precious treasure, the dearest little fellow that ever was!”* [Dickens 2007: 12].

В данном примере мы видим диалог между Дэвидом и его матерью после ссоры со служанкой Пегготи, в котором мать Клара в слезах признается сыну в искренней любви, рассуждает о том, возможно ли любить сына больше, чем она любит сейчас. Мать Клара называет сына «*my own little Davy*», «*my precious treasure*», «*the dearest little fellow*», данные высказывания ярко передают отношение матери к сыну, благодаря им мы можем сделать вывод о том, что роднее и ближе сына у матери Дэвида Клары никого нет. Данный пример мы также относим к семантической группе «family», поскольку на протяжении

всей своей жизни Дэвид вспоминает свою мать с теплом и любовью, испытывает сострадание к ней из-за ее жестокой судьбы и скоропостижной смерти.

Рассмотрим еще один пример взаимоотношений мамы Дэвида, служанки Пегготи и маленького Дэви:

(3) “*Am I a naughty mama to you, Davy? Am I a nasty, cruel, selfish, bad mama?*

Say I am, my child; say "yes", dear boy, and Peggotty will love you; and Peggotty's love is a great deal better than mine, Davy.

I don't love you at all, do I?”

At this, we all fell a-crying together. I think I was the loudest of the party, but I am sure we were all sincere about it. I was quite heart-broken myself, and am afraid that in the first transports of wounded tenderness I called Peggotty a 'Beast'. That honest creature was in deep affliction, I remember, and must have become quite buttonless on the occasion; for a little volley of those explosives went off, when, after having made it up with my mother, she kneeled down by the elbow-chair, and made it up with me” [Dickens 2007: 12].

В данном контексте мы видим ситуацию, которая произошла после первой встречи Дэвида и будущего его отчима. С первого взгляда он не понравился самому Дэвиду и служанке Пегготи, в связи с чем произошел конфликт в семье. Маленький Дэви встал на защиту своей матери Клары в последствии чего назвал служанку Пегготи «*a beast*», что задело ее до глубины души, что подчеркивает фраза «*must have become quite buttonless on the occasion*». Мама Дэвида Клара в силу сильного эмоционального состояния извиняется перед Дэвидом за то, что она такая плохая мать, называя себя «*a nasty, cruel, selfish, bad mama*». Однако в обращении к любимому сыну Дэви она с любовью и трепетом называет его «*my child*», «*dear boy*», из чего мы можем сделать вывод, что даже в конфликтные ситуации мать Клара и служанка Пегготи никогда не позволяли себе поднять руку на Дэвида, а их семейные

конфликты всегда заканчивались примирением («*after having made it up with my mother, she kneeled down by the elbow-chair, and made it up with me*»). Данный пример мы относим к семантической группе «family», поскольку мать Клара и служанка Пегготи были самыми близкими людьми для Дэвида в детстве, он считал их своей семьей и очень любил проводить вечера в компании с близкими ему людьми.

Рассмотрим еще один яркий пример взаимоотношений мамы Дэвида и самого Дэвида:

(4) “*God knows how infantine the memory may have been, that was awakened within me by the sound of my mother's voice in the old parlour, when I set foot in the hall. She was singing in a low tone. I think I must have lain in her arms, and heard her singing so to me when I was but a baby. The strain was new to me, and yet it was so old that it filled my heart brim-full; like a friend come back from a long absence.*

I believed, from the solitary and thoughtful way in which my mother murmured her song, that she was alone. And I went softly into the room. She was sitting by the fire, suckling an infant, whose tiny hand she held against her neck. Her eyes were looking down upon its face, and she sat singing to it. I was so far right, that she had no other companion.

I spoke to her, and she started, and cried out. But seeing me, she called me her dear Davy, her own boy! and coming half across the room to meet me, kneeled down upon the ground and kissed me, and laid my head down on her bosom near the little creature that was nestling there, and put its hand to my lips” [Dickens 2007: 59].

В данном примере мы видим воспоминания Дэвида при первом визите домой, когда мистер Мердстон отправил учиться его в Сэлем-Хаус. Дэвид с грустью рассуждает о былых временах, когда мама пела ему песни, но теперь эти песни она пела не для него. Когда мама назвала его «*dear Davy, her own boy*» у Дэвида нахлынула еще большая грусть, ведь на месте уже был его маленький брат, а не он. В своих воспоминаниях Дэвид представляет на месте

маленького брата себя, скучает о былых временах. Данный пример мы относим к семантической группе «family», т.к. мать для Дэвида всегда играла большую роль, ведь мать для Дэвида всегда была тем самым «островком» для нег, ведь именно с ней он чувствовал себя спокойно и комфортно. Именно с мамой Кларой он мог быть собой, мог вести себя как хочет, мог совершать ошибки и знал, что мама примет его и поймет. Однако после женитьбы мамы Клары с его новым отчимом мистером Мердстоном, они стали отдаляться друг от друга и Дэвид уже не мог поделиться тем сокровенным, чем хотел бы.

Рассмотрим пример взаимоотношения Дэвида и его любимой тетушки мисс Бэтси:

(5) *“But what I want you to be, Trot,” resumed my aunt, “— I don't mean physically, but morally; you are very well physically — is, a firm fellow. A fine firm fellow, with a will of your own. With resolution,” said my aunt, shaking her cap at me, and clenching her hand. With determination. With character, Trot — with strength of character that is not to be influenced, except on good reason, by anybody, or by anything. That's what I want you to be. That's what your father and mother might both have been, Heaven knows, and been the better for it”* [Dickens 2007: 146].

Мы видим рассуждения тетушки Бэтси Тротвуд, которая разговаривает со своим любимым племянником, она знает, что в свои еще столь юные годы он уже прошел через многое: смерть отца и матери, жестокое обращение отчима и его сестры с Дэвидом. Несмотря на это, она желает, чтобы племянник вырос достойным человеком, не только в физическом плане, но и был силен морально («*I don't mean physically, but morally*»). Несмотря на то, что Дэвид и мисс Бэтси не виделись долгое время, она взяла его к себе в дом на воспитание и верит, что Дэвид оправдает ее ожидания, именно поэтому дает ему прозвище «*Trotwood*», «*Trot*», косвенное от своей фамилии. Данное высказывание мы относим к группе «family», поскольку после смерти матери он нуждался в помощи и поддержке со стороны, в человеческом отношении к нему и нормальной жизни,

именно тетя оказалась в трудную минуту рядом, полюбила его и сыграла немаловажную роль в становлении его личности.

Исходя из этого, мы можем сделать вывод, что семантическая группа «family» является одной из основных групп для ребенка – маленького Дэвида, которая послужила формированию его взглядов, поведения и манер во взрослой жизни. Очень часто он вспоминал свою семью и сцены из детства.

2. Семантическая группа «friends» является еще одной немаловажной группой, которая повлияла на Дэвида. Стоит отметить, что многие люди, которых Дэвид мог отнести к своим друзьям – это именно те люди, с которыми он познакомился в детстве.

Методом сплошной выборки нами было найдено 67 примеров, относящихся к данной семантической группе. Проведем анализ самых ярких из них, основываясь на методе Ю.Н. Караулова.

Со многими из них связаны яркие воспоминания из детства, захватывающие события и эмоции. Рассмотрим яркий пример:

(1) *“An accidental circumstance cemented the intimacy between Steerforth and me, in a manner that inspired me with great pride and satisfaction, though it sometimes led to inconvenience. It happened on one occasion, when he was doing me the honour of talking to me in the playground, that I hazarded the observation that something or somebody — I forget what now — was like something or somebody in Peregrine Pickle. He said nothing at the time; but when I was going to bed at night, asked me if I had got that book?”* [Dickens 2007: 50].

В данном примере мы являемся свидетелями сцены сближения главного героя Дэвида и одного из его друзей – Стирфорта, с которым он впервые встретился в Сэлем-Хаусе, когда ненавистный отчим мистер Мердстон с сестрой отправили Дэвида в школу в надежде привить хорошие манеры. Мы видим как Стирфрот попросил Дэвида почитать ему книгу, что настолько впечатлило Дэвида и он был горд собой, что это случилось именно с ним. Это подтверждают такие высказывания как «*an accidental circumstance... inspired*

me with great pride and satisfaction», «he was doing me the honour», из чего мы можем сделать вывод о том, что Стирфорт был тем самым другом, на которого он хотел равняться и любой контакт с данным человеком приносил Дэвиду положительные эмоции. Стирфорт на протяжении всей жизни являлся Дэвидом тем самым «идеалом», про которого рассказывал затаив дыхание и с особым трепетом, он восхищался им и считал, что Стирфорт всегда поступает правильно. Данный пример мы относим к семантической группе «friends», потому что с момента первого знакомства с Дэвидом Стирфорт защищал его, считался с мнением Дэвида и принимал его за достаточно образованного человека, несмотря на мнение окружающих.

Главный герой Дэвид тоже играл немаловажную роль в жизни Стирфорта. Стирфорт знал, что у Дэвида есть проблемы с учебой, и он всегда с отзывчивостью помогал своему другу. Рассмотрим пример:

(2) “...*Steerforth was resolute; and as he explained to me, in return, my sums and exercises, and anything in my tasks that was too hard for me, I was no loser by the transaction. Let me do myself justice, however. I was moved by no interested or selfish motive, nor was I moved by fear of him. I admired and loved him, and his approval was return enough. It was so precious to me that I look back on these trifles, now, with an aching heart. Steerforth was considerate, too;...*” [Dickens 2007: 50].

Из данного примера мы также можем сделать вывод, что Стирфорт и Дэвид помогали друг другу в Сэлем Хаусе. Несмотря на то, что Стирфорт был старше Дэвида, он помогал ему справляться с трудностями в учебе абсолютно бескорыстно и не преследовал никакой цели, Стирфорт занимался с ним и объяснял непонятный материал («...*Steerforth was resolute; and as he explained to me, in return, my sums and exercises*»). Данный пример мы относим к семантической группе «friends», потому что дружба между Стирфортом и Дэвидом прошла сквозь радости и горе, они ценили и уважали друг друга на протяжении всей жизни.

Еще одним важным другом для Дэвида была Агнес, каждую встречу с которой он ценил и вспоминал, у них было много общих интересов, оба были творческими личностями, а душевные разговоры друг с другом приводили обоих к правильному принятию решений. Рассмотрим следующий пример:

(3) *“I love little Em'ly, and I don't love Agnes — no, not at all in that way — but I feel that there are goodness, peace, and truth, wherever Agnes is; and that the soft light of the coloured window in the church, seen long ago, falls on her always, and on me when I am near her, and on everything around”* [Dickens 2007: 124].

В данном примере Дэвид говорит нам о том, что если сравнивать двух прекрасных девушек, одна из которых – Эмли, а другая – Агнес, то ко второй из них он испытывает совершенно иные чувства, нежели к Эмли («*there are goodness, peace, and truth wherever Agnes is*»). Дэвид в своих рассуждениях даже сравнивает чувства к Агнес с лучиком света из расписного окна в церкви. Дэвид проводит скрытое сравнение своей подруги Агнес и лучика света в церкви. Данный пример мы относим к семантической группе «friends», поскольку Агнес и была тем самым лучиком света для Дэвида в тяжелые периоды его жизни.

У главного героя Дэвида было не так много настоящих друзей, но говоря о друзьях, мы не можем не вспомнить Мистера Пегготи – брата служанки Пегготи, с которым Дэвид познакомился еще в самом детстве. Он очень часто ездил в гости к мистеру Пегготи в Ярмут, ведь именно там он чувствовать покой и безмятежность, именно в небольшом и уютном домике-лодке мистера Пегготи он чувствовал себя уютно, а все проблемы как будто улетучивались. Рассмотрим пример:

(4) *“It was perfectly delightful to behold with what enthusiasm Mr. Peggotty became inspired when he thought of his little favourite. He stands before me again, his bluff hairy face irradiating with a joyful love and pride, for which I can find no description. His honest eyes fire up, and sparkle, as if their depths were stirred by something bright. His broad chest heaves with pleasure. His strong loose hands*

clench themselves, in his earnestness; and he emphasizes what he says with a right arm that shows, in my pigmy view, like a sledge-hammer” [Dickens 2007: 124].

В данном контексте мы видим то, как мистер Пегготи рассказывает Дэвиду о своей любимой дочери Эмми. По описанию мистера Пегготи, мы можем сделать вывод о том, что он честный и открытый человек, а между Дэвидом и мистером Пегготи уже давно сложились дружеские отношения. Они готовы делиться друг с другом положительными эмоциями и разделять их. Данный пример мы относим к группе «friends», поскольку мистер Пегготи, как и служанка Пегготи, был для Дэвида всегда не только родным человеком, но и тем, с кем он мог разделить свои радости и печали, а также помочь и поддержать.

Исходя из этого, мы можем сделать вывод, что друзья для Дэвида всегда были неотъемлемой частью его жизни, он знал, что в тяжелый жизненный период его всегда поддержат и наставят на нужный путь. Именно поэтому семантическая группа «friends» играет немаловажную роль в процессе становления Дэвида как личности.

3. Семантическая группа «home» в жизни главного героя Дэвида также является одной из основных, так как параллельно с его взрослением и изменением жизненных обстоятельств, мы видим изменение облика его дома, по описанию которого мы можем понять внутреннее состояние главного героя на данном промежутке жизненного пути.

Методом сплошной выборки нами был найден 43 пример, относящийся к данной семантической группе. Проведем анализ самых ярких из них, основываясь на методе Ю.Н. Караулова.

Рассмотрим пример:

(1) *“Here is a long passage — what an enormous perspective I make of it! — leading from Peggotty's kitchen to the front door. A dark store-room opens out of it, and that is a place to be run past at night; for I don't know what may be among those tubs and jars and old tea-chests, when there is nobody in there with a dimly-*

burning light, letting a mouldy air come out of the door, in which there is the smell of soap, pickles, pepper, candles, and coffee, all at one whiff. Then there are the two parlours: the parlour in which we sit of an evening, my mother and I and Peggotty — for Peggotty is quite our companion, when her work is done and we are alone — and the best parlour where we sit on a Sunday” [Dickens 2007: 9].

В данном примере мы видим описание дома Дэвида в самом начале его жизненного пути: его дом полон жизни, тепла, и уюта, этот дом насыщен приятными запахами: кофе, мыла, свечей («the smell of soap, pickles, pepper, candles, and coffee, all at one whiff»). Дэвид с теплом вспоминает гостиные, в одной из которых по воскресеньям они прекрасно проводили время семьей с мамой и служанкой Пегготи («the best parlour where we sit on a Sunday»). Данный пример мы относим к семантической группе «home», поскольку дом для Дэвида всегда был тем самым местом, о котором он вспоминал в трудные периоды своей жизни, а именно за семейные вечера с близкими ему людьми он всегда был готов отдать многое.

Рассмотрим еще один пример описания дома и детства Дэвида:

(2) “And now I see the outside of our house, with the latticed bedroom-windows standing open to let in the sweet-smelling air, and the ragged old rooks'-nests still dangling in the elm-trees at the bottom of the front garden. Now I am in the garden at the back, beyond the yard where the empty pigeon-house and dog-kennel are — a very preserve of butterflies, as I remember it, with a high fence, and a gate and padlock; where the fruit clusters on the trees, riper and richer than fruit has ever been since, in any other garden, and where my mother gathers some in a basket, while I stand by, bolting furtive gooseberries, and trying to look unmoved. A great wind rises, and the summer is gone in a moment. We are playing in the winter twilight, dancing about the parlour. When my mother is out of breath and rests herself in an elbow-chair, I watch her winding her bright curls round her fingers, and straitening her waist, and nobody knows better than I do that she likes to look so well, and is proud of being so pretty” [Dickens 2007: 10].

В данном примере мы видим описание «живого» дома Дэвида, с открытыми настежь окнами, которые впускают «приятный» воздух, с настоящим заповедником бабочек. Он вспоминает моменты, когда они танцевали в полумраке, любимая матушка уставала и сидела в кресле, а главный герой Дэвид любовался ею, ведь никто лучше его не знал, что она любит хорошо выглядеть, а Дэвид был очень горд, что у него такая красивая матушка («*We are playing in the winter twilight, dancing about the parlour. When my mother is out of breath and rests herself in an elbow-chair, I watch her winding her bright curls round her fingers, and straitening her waist, and nobody knows better than I do that she likes to look so well, and is proud of being so pretty*»). Данный пример мы относим к семантической группе «home», потому что образ дома для Дэвида из детства – это всегда дом «живой», с танцами в полумраке, семейными посиделками, открытыми окнами, с красивым фруктовым садом с бабочками. Именно таким он запомнил свой любимый дом, в который хотел возвращаться в трудные периоды своей жизни и забывать обо всех своих проблемах.

Рассмотрим пример описания дома после смерти матери Дэвида:

(3) “*So, when we reached home, I dropped out of the chaise behind, as quickly as possible, that I might not be in their company before those solemn windows, looking blindly on me like closed eyes once bright. And oh, how little need I had had to think what would move me to tears when I came back — seeing the window of my mother's room, and next it that which, in the better time, was mine!” [Dickens 2007: 69].*

В данном примере мы можем проследить, как изменился дом с того момента, как умерла любимая мать Дэвида: теперь окна дома (окно из комнаты Дэвида и окно матери) стали мрачными, которые слепо взирали на Дэвида. Главный герой проводит сравнение между окнами и смертью любимой матушки, сравнивая закрытые окна с «закрытыми» глазами матушки ныне покойной («*those solemn windows, looking blindly on me like closed eyes once*

bright)). Главный герой начинает вспоминать прежнее время («*in the better time*»), отчего ему становится печальнее и наворачиваются слезы («*I had had to think what would move me to tears*»). Этот пример мы относим к семантической группе «home», так как от образа настолько изменившегося дома, такого близкого и родного, ему становится печально и тоскливо, он вспоминает образ дома детства, где они сидели все вместе по вечерам с тем, который стал «пустой» после смерти матери.

Рассмотрим еще один яркий пример описания дома Дэвида после смерти матери:

(4) “*She gave me one piece of intelligence which affected me very much, namely, that there had been a sale of the furniture at our old home, and that Mr. and Miss Murdstone were gone away, and the house was shut up, to be let or sold. God knows I had no part in it while they remained there, but it pained me to think of the dear old place as altogether abandoned; of the weeds growing tall in the garden, and the fallen leaves lying thick and wet upon the paths.*

I imagined how the winds of winter would howl round it, how the cold rain would beat upon the window-glass, how the moon would make ghosts on the walls of the empty rooms, watching their solitude all night. I thought afresh of the grave in the churchyard, underneath the tree: and it seemed as if the house were dead too, now, and all connected with my father and mother were faded away” [Dickens 2007: 132].

В данном примере мы видим рассуждения Дэвида о том, как он сожалеет о том, что его родной сердцу дом продали. Дом для Дэвида был одним из тех мест, где он чувствовал себя уютно и спокойно. Дэвиду было обидно, что дом продали и не спросили его. Дом продали вместе с семейным кладбищем, где были захоронены его мать и отец, а с мыслью о том, что дом продан, он представил, что дом «схоронен» также и в том же месте, где лежат его мать и отец. Данный пример мы относим к семантической группе «home», так как от образа мысли о продаже дома, который тесно связан с его беззаботным детством, близкими ему людьми, ему становится обидно, что все воспоминания

и его беззаботную жизнь «хоронят» на том же кладбище, где лежат его родители. Более того, его воспоминания отобрали и продали без его ведома.

Семантическая группа «home» играет немаловажную роль в романе, так как образ дома меняется в течение всего романа, описывая не только то, как меняется окружающая атмосфера в доме, но и душевное состояние главного героя. Мы видим, как кардинально меняется образ окон: открытых нараспашку в самом начале романа в детстве Дэвида и после смерти матери, которые стали «мрачными», словно «закрытые глаза прежде блестящие».

4. Семантическая группа «adversaries» в жизни главного героя Дэвида также является неотъемлемой, поскольку в течение всей своей жизни Дэвид встречает не только приятных ему людей, но и тех, кто приносит ему много боли и страданий. Одними из таких были мистер и мисс Мердстоны, с которыми Дэвиду «посчастливилось» встретиться еще в начале жизненного пути.

Методом сплошной выборки нами был найден 41 пример, относящийся к данной семантической группе. Проведем анализ самых ярких из них, основываясь на методе Ю.Н. Караулова.

Рассмотрим пример:

(1) “*How do you do, ma'am?*” *I said to Miss Murdstone.*

“*Ah, dear me!*” *sighed Miss Murdstone, giving me the tea-caddy scoop instead of her fingers. ‘How long are the holidays?’*”

“*A month, ma'am.*”

“*Counting from when?*”

“*From today, ma'am.*”

“*Oh!*” *said Miss Murdstone. ‘Then here's one day off’* [Dickens 2007: 62].

В данном примере мы видим взаимоотношения главного героя и мисс Мердстон – сестры мистера Мердстона, отчима Дэвида. Мы видим сцену того, как Дэвид приезжает на каникулы из школы Сэлем Хаус и одна из первых его встречает мисс Мердстон, которая «очень рада» приезду мальчика. В ходе

«светской беседы», которая состоялась между ними, мы узнаем, что мисс Мердстон уже с самого приезда начала считать, когда Дэвид уедет обратно («...*here's one day off*»). Этот пример мы относим к семантической группе «adversaries», поскольку мисс Мердстон и была тем самым человеком, которая предложила отослать Дэвида «куда подальше» за «скверное поведение».

Рассмотрим еще один яркий пример взаимоотношений мисс Мердстон и Дэвида:

(2) “It was on this very first day that I had the misfortune to throw her, though she was not subject to such weakness in general, into a state of violent consternation. I came into the room where she and my mother were sitting; and the baby (who was only a few weeks old) being on my mother's lap, I took it very carefully in my arms.

Suddenly Miss Murdstone gave such a scream that I all but dropped it.

“My dear Jane!” cried my mother.

“Good heavens, Clara, do you see?” exclaimed Miss Murdstone.

“See what, my dear Jane?” said my mother; “where?”

“He's got it!” cried Miss Murdstone. “The boy has got the baby!”

She was limp with horror; but stiffened herself to make a dart at me, and take it out of my arms. Then, she turned faint; and was so very ill that they were obliged to give her cherry brandy. I was solemnly interdicted by her, on her recovery, from touching my brother any more on any pretence whatever; and my poor mother, who, I could see, wished otherwise, meekly confirmed the interdict, by saying: “No doubt you are right, my dear Jane.” [Dickens 2007: 63].

В данном примере мы видим сцену того, как Дэвиду не посчастливилось столкнуться с мисс Мердстон. Дэвид пришел в комнату навестить свою дорогую матушку и взглянуть на недавно родившегося кроху – его брата, но из-за поведения мисс Мердстон он не смог даже притронуться к «крохе». Как только Дэвид взял малыша на руки, мисс Мердстон так завопила, что напугала всех в комнате («*suddenly Miss Murdstone gave such a scream that I all but*

dropped it», «*the boy has got the baby!*», «*she was limp with horror*»). Приведенный пример мы относим к семантической группе «adversaries», так как мисс Мердстон из-за всех сил пыталась воспитывать матушку Дэвида и потакать ей, ведь главная цель мисс Мердстон была подчинить матушку Дэвида себе.

Еще одним недоброжелателем Дэвида был его отчим – мистер Мердстон. Они невзлюбили друг друга с самой первой встречи. После женитьбы мистера Мердстона на матери Дэвида, он всячески пытался руководить своей женой, оттолкнуть Дэвида от матери, поэтому не позволял показывать матушке Кларе свои нежные чувства к сыну. За плохое поведение или неуспехи в учебе мистер Мердстон позволял себе избить мальчика прямо на глазах матери. Рассмотрим пример:

(3) “*Mr. Murdstone! Sir!*” *I cried to him. “Don't! Pray don't beat me! I have tried to learn, sir, but I can't learn while you and Miss Murdstone are by. I can't indeed!”*

“*Can't you, indeed, David?*” *he said. “We'll try that.”*

“*He had my head as in a vice, but I twined round him somehow, and stopped him for a moment, entreating him not to beat me. It was only a moment that I stopped him, for he cut me heavily an instant afterwards, and in the same instant I caught the hand with which he held me in my mouth, between my teeth, and bit it through. It sets my teeth on edge to think of it. He beat me then, as if he would have beaten me to death. Above all the noise we made, I heard them running up the stairs, and crying out — I heard my mother crying out — and Peggotty. Then he was gone; and the door was locked outside; and I was lying, fevered and hot, and torn, and sore, and raging in my puny way, upon the floor*” [Dickens 2007: 32].

В данном примере мы наблюдаем одну из сцен наказания мистера Мердстона за не прилежность Дэвида в учебе. Мы видим то, как физически издевался над ним его отчим – он практически избивал маленького Дэви до смерти. Очень часто в своих воспоминаниях из детства он вспоминал эти

наказания и не мог найти объяснения тому, за что он заслужил такое отношение к себе, ведь порой после таких наказаний, Дэвид несколько дней не мог нормально сидеть на стуле («*he beat me then, as if he would have beaten me to death*», «*I was lying, fevered and hot, and torn, and sore*»). Данный пример мы относим к семантической группе «adversaries», так как мистер Мердстон был настоящим кошмаром для Дэвида с самого первого момента знакомства. Он был первый, кто позволил себе поднять руку на Дэвида. Данные факты наложили отпечаток на будущую жизнь Дэвида, вспоминая моменты избиения он испытывал душевную боль за то, что ему пришлось пройти.

Рассмотрим еще один яркий пример:

(4) *“The gloomy taint that was in the Murdstone blood, darkened the Murdstone religion, which was austere and wrathful. I have thought, since, that its assuming that character was a necessary consequence of Mr. Murdstone's firmness, which wouldn't allow him to let anybody off from the utmost weight of the severest penalties he could find any excuse for. Be this as it may, I well remember the tremendous visages with which we used to go to church, and the changed air of the place [Dickens 2007: 28].*

В данном примере мы видим размышления Дэвида о семье Мердстонов, в котором он делает умозаключение о том, что мрачность, которая отравляла кровь семьи Мердстонов оставляла отпечаток на их набожности. Из-за этой набожности у Дэвида изменилось отношение к самому святому – к церкви, в которую он ходил с чувством страха, в которую перестал верить после знакомства с мистером Мердстоном. Приведенный пример мы относим к семантической группе «adversaries», поскольку из-за недруга Дэвида, который принес в его жизнь много страданий, у него пропала вера в Бога и церковь, в которую люди ходят замаливать грехи и просить о помощи.

Семантическая группа «adversaries» занимает одну из важных мест в романе, ведь именно благодаря недоброжелателям Дэвида в детстве, он меняет

свои взгляды на жизнь, на воспитание своих детей, на его отношение к жестокости.

5. Семантическая группа «love» занимает одну из лидирующих позиций в жизни главного героя. На протяжении всего его повествования мы видим, сколько прекрасных девушек его окружают. И как настоящий мужчина, Дэвид не может не обращать на них внимания. Во многих из них он влюблялся. Он влюблялся по разному: в кого-то мимолетно, в кого-то по настоящему сильно.

Методом сплошной выборки нами было найдено 59 примеров, относящихся к данной семантической группе. Проведем анализ самых ярких из них, основываясь на методе Ю.Н. Караулова.

Рассмотрим следующий пример:

(1) “...*a little beyond me, on the other side, sat Agnes. Whensoever, slowly pondering over my letter, I lifted up my eyes, and meeting the thoughtful face of Agnes, saw it clear, and beam encouragement upon me, with its own angelic expression, I was conscious presently of the evil eye passing me, and going on to her, and coming back to me again, and dropping furtively upon the knitting.*” [Dickens 2007: 302].

В данном примере Дэвид рассуждает о своей будущей жене Агнес, лицо которой восхищало Дэвида, именно в лице Агнес он видел ту самую девушку, которая укрепляла его мужество. Приведенный пример мы относим к семантической группе «love», так как только в самом конце повествования Дэвид понимает, что он всегда любил Агнес по настоящему, именно в ней видел мать своих детей и свою любимую женщину, с которой обрел счастье и покой. Дэвид заканчивает свое повествование словами:

(2) “*O Agnes, O my soul, so may thy face be by me when I close my life indeed; so may I, when realities are melting from me, like the shadows which I now dismiss, still find thee near me, pointing upward!*” [Dickens 2007: 465].

Мы можем сделать вывод о том, что Агнес именно та девушка, которую Дэвид искал всю свою жизнь, но она всегда была рядом, помогала ему и поддерживала. Только пройдя через многие испытания и трудности, Дэвид понял, как сильно он любит Агнес. Этот пример мы относим к семантической группе «love», поскольку Агнес была главной женщиной по жизни, которую он очень ценил и по настоящему любил.

Помимо настоящей любви к Агнес, Дэвид много раз влюблялся мимолетно. Одной из таких девушек была Дора Спэнлоу, первая жена Дэвида. Рассмотрим пример:

(3) *“I loved Dora Spenlow to distraction!*

She was more than human to me. She was a Fairy, a Sylph, I don't know what she was — anything that no one ever saw, and everything that everybody ever wanted. I was swallowed up in an abyss of love in an instant. There was no pausing on the brink; no looking down, or looking back; I was gone, headlong, before I had sense to say a word to her” [Dickens 2007: 206].

В данном примере мы видим рассуждения главного героя Дэвида о чувствах к Доре. Он влюбился в нее с первого взгляда. Дора для него была не простым человеком, а настоящей богиней и объектом воздыхания («*she was more than human to me. She was a Fairy, a Sylph...*»). На протяжении всего романа с момента знакомства с Дорой, он пытался добиться расположения ее духа, ее внимания, а также жил в надежде, что она однажды станет его женой. Очень часто ради Доры Дэвид готов был идти на отчаянные и отважные поступки. Этот пример мы относим к семантической группе «love», поскольку Дора была первой серьезной любовью Дэвида, с самого детства и момента знакомства с Дорой, он пытался проводить с ней больше времени, менялся ради нее. Любовь к Доре очень изменила Дэвида и он стал по другому смотреть на жизненные испытания и трудности.

Рассмотрим еще один пример любви к Доре:

(4) *“We are young and inexperienced, aunt, I know,” I replied; “and I dare say we say and think a good deal that is rather foolish. But we love one another truly, I am sure. If I thought Dora could ever love anybody else, or cease to love me; or that I could ever love anybody else, or cease to love her; I don't know what I should do — go out of my mind, I think!”* [Dickens 2007: 266].

В данном примере мы можем наблюдать диалог между тетей Бетси и Дэвидом о том, как он сильно любит Дору и готов ради нее на все. Дэвид уверен, что их любовь с Дорой настоящая и искренняя. Дэвид объясняет тете, что несмотря на то, что они с Дорой еще не достаточно опытные, они преодолеют все трудности. Данный пример мы относим к семантической группе «love», поскольку Дэвид и представить себе не мог, что может любить кого-то еще.

В 17 лет Дэвид мимолетно влюбляется в мисс Ларкинс, 30-летнюю девушку, которая была очень серьезная и статная. Отец мисс Ларкин – мистер Ларкин, видя, как Дэвид смотрит на его дочь, сказал, что разница в возрасте не препятствие для счастья, и он дает добро на женитьбу между его дочерью и Дэвидом, а в придачу молодым на семейное счастье подарит двадцать тысяч фунтов. Рассмотрим пример о том, как рассуждает Дэвид о чувствах к мисс Ларкинс:

(5) *“What other changes have come upon me, besides the changes in my growth and looks, and in the knowledge I have garnered all this while? I wear a gold watch and chain, a ring upon my little finger, and a long-tailed coat; and I use a great deal of bear's grease — which, taken in conjunction with the ring, looks bad. Am I in love again? I am. I worship the eldest Miss Larkins”* [Dickens 2007: 143].

В данном примере мы видим, как Дэвид рассуждает о своем взрослении и новой влюбленности. Он снова готов молиться на девушку и восхищаться ею, а также при каждой встрече с новым объектом воздыхания Дэвид прихорашивался: смазывал волосы медвежьим жиром, а также надевал неудобный фрак, хотел выглядеть солидно и произвести впечатление (*«am I in*

love again? I am. I worship the eldest Miss Larkins)). Этот пример мы относим к семантической группе «love», поскольку мисс Ларкинс была объектом воздыхания для Дэвида, он даже готов был жениться на ней, несмотря на разницу в возрасте.

Рассмотрим еще один пример:

(6) *“But after I have stood in the doorway for some time, and feasted my eyes upon the goddess of my heart, she approaches me — she, the eldest Miss Larkins! — and asks me pleasantly, if I dance?*

I stammer, with a bow, 'With you, Miss Larkins.'

'With no one else?' inquires Miss Larkins.

'I should have no pleasure in dancing with anyone else.'

Miss Larkins laughs and blushes (or I think she blushes), and says, 'Next time but one, I shall be very glad.' [Dickens 2007: 144].

В данном примере мы наблюдаем за поведением Дэвида в разгар светской встречи в доме Ларкинсов, а Дэвид намеревается пригласить мисс Ларкинс на танец. По его поведению, мы видим, что Дэвид безумно влюблен в эту девушку, он наслаждается ее внешностью и флиртует с ней, лишь бы она согласилась потанцевать с ним, мисс Ларкинс же кокетливо отвечает на чувство Дэвида, говоря, что готова принять его предложение. Данный пример мы относим к семантической группе «love», так как ради встречи мисс Ларкинс он прихорашивался и хотел понравиться ей. Мисс Ларкинс в конце танца дарит Дэвиду цветок, который он бережно хранит у сердца. Однако однажды Агнес сообщает Дэвиду, что объект его воздыхания – мисс Ларкинс выходит замуж. Дэвида сильно разочаровала данная новость, из-за которой он не следил за собой 2 недели и лил слезы над увядшим цветком.

Семантическая группа «love» играет важную роль в романе, так как Дэвид совершал поступки, на которые возможно он был бы и не способен, будучи не влюбленным. Дэвид показал в романе, как очень влюбчивый человек, который влюблялся мимолетно и серьезно, он любил наслаждаться

образом девушки, хотел, чтобы объект его воздыхания всегда был рядом. В конце романа Дэвид понимает, что важны не только чувства к девушке, но и комфорт, чтобы девушка поддерживала его морально. Именно поэтому он женится на Агнес, которая была с ним на протяжении всей его жизни, поддерживала его, а также разделяла интерес к писательскому творчеству. Она верила и, в конце концов, пройдя непростой путь, Дэвид все-таки напечатал книгу.

Таким образом, методом сплошной выборки, нами было найдено 288 примеров, которые относятся к 5 главным семантическим группам. В данной главе нами был проведен анализ самых ярких примеров из данных групп, основываясь на методе Ю.Н. Караулова. Мы можем сделать вывод о том, что все 5 семантических групп имели большое значение в детстве главного героя, повлияли на его мировоззрение и отношение к окружающему миру. Анализируя данные семантические группы, можно отметить, через вербальные образы и языковые модели происходит дополнительное видение мира главного героя; эти модели выступают как побочный источник познания, осмысления реальности и дополняют общую картину знания главного героя Дэвида, корректируют ее. Словесный образ главного героя сочетается с понятийным образом, лингвистическое моделирование - с логическим его отображением, создавая предпосылки воспроизведения более полной и всесторонней картины окружающей действительности в сознании главного героя – ребенка.

2.2. Анализ языковой картины мира ребенка в произведении «David Copperfield»

В ходе проведения семантического анализа произведения «David Copperfield» нами было рассмотрено 288 примеров, отобранных методом сплошной выборки, относящиеся к 5 главным семантическим группам.

Выявленные семантические группы языковой картины мира позволяют провести ее комплексный анализ. Для проведения наиболее полного анализа, рассмотрим взгляд главного героя Дэвида на данные семантические группы через 2 призмы: призму ребенка и взрослого человека для определения отношения к одной и той же семантической группе в разные периоды жизни главного героя. Проведем комплексный анализ примеров, относящихся к каждой из выделенных групп, основываясь на методе Ю.Н. Караулова.

Наиболее объемной семантической группой в произведении «David Copperfield» является группа «family». Методом сплошной выборки нами было найдено 78 высказываний. Семантическая группа «family» является самой объемной, поскольку главный герой произведения Дэвид выживает с помощью данной семантической группы.

Будучи ребенком, Дэвид перенимает взгляды взрослых из семантической группы «family», его взгляд на мир формируется через призму языка взрослых (мать Клара, няня Пегготи, тетя Бэтси). Рассмотрим пример:

(1) *We had exhausted the crocodiles, and begun with the alligators, when the garden-bell rang. We went out to the door; and there was my mother, looking unusually pretty, I thought, and with her a gentleman with beautiful black hair and whiskers, who had walked home with us from church last Sunday. As my mother stooped down on the threshold to take me in her arms and kiss me, the gentleman said I was a more highly privileged little fellow than a monarch — or something like that; for my later understanding comes, I am sensible, to my aid here.*

'What does that mean?' I asked him, over her shoulder [Dickens 2007: 11].

В данном примере мы видим отношение матери Клары и Дэвида в первый момент знакомства Дэвида и мистера Мердстона. Дэвид заметил, что мама была «*unusually pretty*». Несмотря на то, что в детстве Дэвид очень часто подмечал, насколько его мама хороша, ему казалось, что нет никого лучше и красивее ее, при описании образа матери он использует прилагательное «*unusually*», которое как раз и обращает наше внимание на то, что Дэвид

заподозрил неладное. Он привык к заботе и вниманию своей матушки, поэтому для него в порядке нормы было то, что матушка остановилась на пороге лишь бы взять любимого сына на руки и поцеловать («...*to take me in her arms and kiss me*»). Матушка Клара и правда очень любила своего сына и не чаяла в нем души, именно поэтому мистер Мердстон, смотря со стороны, отмечает, что Дэвид имеет больше привилегий, чем монарх («*I was a more highly privileged little fellow than a monarch*»).

Подрастая, Дэвид приобщается к языку через общение со взрослыми из данной группы погружается и воспринимает окружающую среду, которая была как благоприятной, так порой и неблагоприятной. Рассмотрим отношение к семантической группе «family» с призмы взрослого Дэвида:

(2) *What faces are the most distinct to me in the fleeting crowd? Lo, these; all turning to me as I ask my thoughts the question!*

Here is my aunt, in stronger spectacles, an old woman of four-score years and more, but upright yet, and a steady walker of six miles at a stretch in winter weather.

Always with her, here comes Peggotty, my good old nurse, likewise in spectacles, accustomed to do needle-work at night very close to the lamp, but never sitting down to it without a bit of wax candle, a yard-measure in a little house, and a work-box with a picture of St. Paul's upon the lid.

There is something bulky in Peggotty's pocket. It is nothing smaller than the Crocodile Book, which is in rather a dilapidated condition by this time, with divers of the leaves torn and stitched across, but which Peggotty exhibits to the children as a precious relic. I find it very curious to see my own infant face, looking up at me from the Crocodile stories; and to be reminded by it of my old acquaintance Brooks of Sheffield [Dickens 2007: 463].

В данном примере мы видим описание семейной сцены в конце романа: взрослый Дэвид сидит в кругу семьи, рядом с ним любимая тетя с одной стороны и няня с другой. Обе женщины уже в престарелом возрасте («*an old woman of four-score years and more*»), обе в очках «*in stronger spectacles*», при

описании очков, мы видим, что Дэвид использует прилагательное «*stronger*», проводя параллель между силой характера женщин и «сильными» очками для корректировки зрения. Более того, рядом с няней сидят два мальчугана, сыновья Дэвида, которые читают ту самую уже потертую временем книгу о крокодилах («*It is nothing smaller than the Crocodile Book*»). Смотри на сыновей и няню со стороны, Дэвид вспоминает, как он маленький сидел с няней и читал ту же самую книгу («*I find it very curious to see my own infant face*»).

Можно сделать вывод, что отношение к семантической группе «family» у Дэвида не поменялась, оно осталось таким же спустя многие годы. Семья для Дэвида с самого детства была тем самым местом, где он мог чувствовать себя комфортно, получить поддержку от людей из данной группы, а также просто почувствовать себя тем, кем он есть на самом деле. После потери матери, семейного тепла и ласки, он на протяжении всей жизни искал ее, и в конце романа мы видим то, с чего все начиналось: вечер в кругу семьи.

Вторая по значимости является семантическая группа «friends». Методом сплошной выборки нами было найдено 67 высказываний, которая занимает не менее важное место в жизни главного героя-ребенка Дэвида. После того, как Дэвида отправляют в школу в Сэлем-Хаус, несмотря на трудности и сложности пребывания в ней, он встречает много настоящих друзей, которые на протяжении всего романа играют важную роль в жизни Дэвида. Нельзя не упомянуть Трэдлса, Стирфорта и многих других. В тяжелые моменты своей жизни, Дэвид часто обращался к своим друзьям за помощью и знал, что они всегда помогут ему и поддержат. Рассмотрим пример:

(1) *Poor Traddles! In a tight sky-blue suit that made his arms and legs like German sausages, or roly-poly puddings, he was the merriest and most miserable of all the boys. He was always being caned — I think he was caned every day that half-year, except one holiday Monday when he was only ruler'd on both hands — and was always going to write to his uncle about it, and never did.*

He was very honourable, Traddles was, and held it as a solemn duty in the boys to stand by one another. He suffered for this on several occasions; and particularly once, when Steerforth laughed in church, and the Beadle thought it was Traddles, and took him out [Dickens 2007: 49].

В данном примере мы видим то, как Дэвид описывает своего друга Трэдлса из школы Сэлем-Хаус. Дэвид испытывает к нему глубокое сочувствие («*poor Traddles*»), поскольку Трэдлс всегда был именно тем человеком в школе, которого наказывали больше всех. Несмотря на это, по словам Дэвида, Трэдлс не унывал и был одним из самых веселых учеников в школе («*he was the merriest of all boys*»). Дэвид рассказывает нам о том, что в Трэдлсе ему нравилась такая черта характера, как поддержка и заступничество друг за друга, но именно из-за нее он всегда и страдал («*held it as a solemn duty in the boys to stand by one another*»). При описании образа Трэдлса, мы видим, что Дэвид очень симпатизирует своему другу, но при этом испытывает глубокое сострадание к нему из-за того, что Трэдлса постоянно наказывают.

Рассмотрим еще один пример из семантической группы «friends»:

(2) *And lo, the Doctor, always our good friend, labouring at his Dictionary (somewhere about the letter D), and happy in his home and wife. Also the Old Soldier, on a considerably reduced footing, and by no means so influential as in days of yore!*

We walk away, arm in arm. I am going to have a family dinner with Traddles. It is Sophy's birthday; and, on our road, Traddles discourses to me of the good fortune he has enjoyed.

I really have been able, my dear Copperfield, to do all that I had most at heart. There's the Reverend Horace promoted to that living at four hundred and fifty pounds a year; there are our two boys receiving the very best education, and distinguishing themselves as steady scholars and good fellows; there are three of the girls married very comfortably; there are three more living with us; there are three

more keeping house for the Reverend Horace since Mrs. Crewler's decease; and all of them happy' [Dickens 2007: 464].

В данном контексте мы видим встречу Трэдлса и Дэвида, когда они уже стали взрослыми и деловыми мужчинами. Трэдлс работает доктором, живет счастливо в доме с женой. При описании Трэдлса, Дэвид использует фразу «*always our good friend*», подчеркивая надежность Трэдлса и стабильность дружбы между Дэвидом и Трэдлсом на протяжении многих лет. Дэвид и Трэдлс идут «рука об руку» в гости на день рождения жены Трэдлса («*arm in arm*»). По пути Трэдлс рассказывает Дэвиду о своей жене Софи, и о том, что он наконец-то счастлив. Из дружеского разговора мы узнаем, что Трэдлс по своей натуре так и остался тем добряком, который поможет каждому. Так, он помогает сестрам своей жены («*all of them happy*»). Дэвид гордится своим другом и искренне за него счастлив. Исходя из дружеского разговора между Дэвидом и Трэдлсом, мы можем сделать вывод, что отношения между ними так и остались теплыми с момента первого знакомства, они помогают друг другу во всем и поддерживают друг друга.

Рассмотрев примеры, относящиеся к семантической группе «friends», мы можем сделать вывод о том, что как для ребенка-Дэвида, так и для Дэвида-взрослого, дружба играет большую роль на протяжении всей его жизни. Как показывают многие социологические исследования, дружба не зависит от возраста. Меняется роль дружбы в жизни человека. Если в детстве она имеет огромное значение, то с возрастом на первое место выходит семья. Но неверно считать, что взрослым людям дружба не нужна. Напротив, с возрастом дружба становится более прочной, испытанной временем. Так и в жизни главного героя произведения Дэвида дружба не потеряла свое значение.

Еще одна немаловажная семантическая группа, занимающая третье место – это группа «love». Методом сплошной выборки нами было найдено 59 примеров. С самого детства Дэвид по своей натуре был очень влюбчивым человеком и обращал внимание на девушек противоположного пола. Такие

девушки как малютка Эмли, Агнес и Дора были самыми неповторимыми, и чувства к этим девушкам Дэвид испытывал на протяжении долгих периодов в своей жизни. Рассмотрим пример первой любви Дэвида:

(1) *I loved Dora Spenlow to distraction!*

She was more than human to me. She was a Fairy, a Sylph, I don't know what she was — anything that no one ever saw, and everything that everybody ever wanted. I was swallowed up in an abyss of love in an instant. There was no pausing on the brink; no looking down, or looking back; I was gone, headlong, before I had sense to say a word to her.

There was nothing worth mentioning in the material world, but Dora Spenlow, to be astonished about [Dickens 2007: 206].

В данном примере мы видим рассуждения главного героя Дэвида о чувствах к Доре. Он влюбился в нее с первого взгляда. Дора для него была не простым человеком, а настоящей богиней и объектом воздыхания («*she was more than human to me. She was a Fairy, a Sylph...*»). Когда Дэвид был рядом с Дорой он не замечал никого и ничего, он пытался насладиться каждой минутой, проведенной с ней («*there was nothing worth mentioning in the material world, but Dora Spenlow, to be astonished about*»). Несмотря на то, что семья Доры тесно обращалась с мисс Мердстон, сестрой отчима Дэвида, это никак не повлияло и не удивило Дэвида, ведь главное для него было больше времени проводить с ней.

Рассмотрим еще один пример любви Дэвида во взрослом возрасте:

(2) *My lamp burns low, and I have written far into the night; but the dear presence, without which I were nothing, bears me company.*

O Agnes, O my soul, so may thy face be by me when I close my life indeed; so may I, when realities are melting from me, like the shadows which I now dismiss, still find thee near me, pointing upward! [Dickens 2007: 465].

В самом конце романа Дэвид понимает, что он всегда любил Агнес по-настоящему, именно в ней видел мать своих детей и свою любимую женщину, с

которой обрел счастье и покой. Также он отмечает, что только благодаря Агнес добился всего и без нее он – ничто (*«the dear presence, without which I were nothing, bears me company»*). При описании образа Агнес, Дэвид использует такие слова как «dear», «my soul», которые помогают более полно описать чувства к Агнес.

Таким образом, любовь меняла главного героя, сподвигла Дэвида совершать неординарные поступки, благодаря чему Дэвид менял взгляды на жизнь, пересматривал свое отношение к окружающим. Мы видим, как меняется отношение Дэвида к семантической группе «love». Если в детстве ему было необходимо просто находится рядом с объектом любви, то в зрелом возрасте он осознает, что важны не только чувства, но и понимание и поддержка со стороны любимого человека. Ведь именно благодаря Агнес, своей второй жене, он достиг успехов в писательском мастерстве, осуществил свою мечту.

Менее значимыми категориями в языковой картине мира ребенка оказались группы «home», а также «adversaries».

Методом сплошной выборки нами было найдено 43 высказывания, относящиеся к группе «home». Новая семья матери, а также жестокое обращение отчима и его сестры сильно повлияло на отношение ребенка к дому, на наших глазах описание дома с ярких красок меняются на серые и невзрачные. Рассмотрим пример описания образа дома до смерти матери:

(1) “And now I see the outside of our house, with the latticed bedroom-windows standing open to let in the sweet-smelling air, and the ragged old rooks'-nests still dangling in the elm-trees at the bottom of the front garden. Now I am in the garden at the back, beyond the yard where the empty pigeon-house and dog-kennel are — a very preserve of butterflies, as I remember it, with a high fence, and a gate and padlock; where the fruit clusters on the trees, riper and richer than fruit has ever been since, in any other garden, and where my mother gathers some in a basket, while I stand by, bolting furtive gooseberries, and trying to look unmoved. A great wind rises, and the summer is gone in a moment. We are playing in the winter

twilight, dancing about the parlour. When my mother is out of breath and rests herself in an elbow-chair, I watch her winding her bright curls round her fingers, and straitening her waist, and nobody knows better than I do that she likes to look so well, and is proud of being so pretty” [Dickens 2007: 10].

В данном примере мы видим описание «живого» дома Дэвида, с открытыми настежь окнами, которые впускают «приятный» воздух, с настоящим заповедником бабочек. Он вспоминает моменты, когда они танцевали в полумраке, любимая матушка уставала и сидела в кресле, а главный герой Дэвид любовался ею, ведь никто лучше его не знал, что она любит хорошо выглядеть, а Дэвид был очень горд, что у него такая красивая матушка («*We are playing in the winter twilight, dancing about the parlour. When my mother is out of breath and rests herself in an elbow-chair, I watch her winding her bright curls round her fingers, and straitening her waist, and nobody knows better than I do that she likes to look so well, and is proud of being so pretty*»).

Рассмотрим пример отношения к семантической группе «home» в зрелом возрасте Дэвида:

(2) *Next day, too, when we all go in a flock to see the house — our house — Dora's and mine — I am quite unable to regard myself as its master. I seem to be there, by permission of somebody else. I half expect the real master to come home presently, and say he is glad to see me. Such a beautiful little house as it is, with everything so bright and new; with the flowers on the carpets looking as if freshly gathered, and the green leaves on the paper as if they had just come out; with the spotless muslin curtains, and the blushing rose-coloured furniture, and Dora's garden hat with the blue ribbon — do I remember, now, how I loved her in such another hat when I first knew her! — already hanging on its little peg; the guitar-case quite at home on its heels in a corner; and everybody tumbling over Jip's pagoda, which is much too big for the establishment [Dickens 2007: 33].*

В данном контексте мы видим переживания Дэвида в связи с предстоящей женитьбой на Доре, а также хлопоты с приобретением нового

дома – семейного гнездышка («*our house — Dora's and mine*»). При описании дома Дэвид использует яркие краски («*the flowers on the carpets looking as if freshly gathered*»). Поскольку Дэвид очень любит Дору и с нетерпением ждет момента женитьбы на ней, то покупка нового семейного дома – один из шагов на пути к мечте и долгожданному семейному счастью.

Проводя анализ лексико-семантической группы «home», можно сказать, что данная группа важна для Дэвида. При описании дома как в детском возрасте, так и во взрослом, он использует яркие краски, чтобы описать благоприятный климат в доме, а с помощью серых и черных красок часто описывает семейные проблемы и неурядицы в доме. что отношение к семантической группе «home» у главного героя-ребенка меняется со сменой климата в семье.

Рассмотрим семантическую группу «adversaries». Методом сплошной выборки нами было найдено 41 высказывание, относящиеся к группе «adversaries». С самого детства героя мы видим, как данная группа влияет на мировоззрение героя, меняет его, как ребенок страдает от жестокого обращения от людей из данной семантической группы. На протяжении всей своей жизни главный герой-ребенок страдает от своих ненавистников и только под самый конец романа отважился высказать все то, что копил с самого детства.

Рассмотрим пример:

(1) “*Mr. Murdstone! Sir!*” *I cried to him. “Don't! Pray don't beat me! I have tried to learn, sir, but I can't learn while you and Miss Murdstone are by. I can't indeed!”*

“*Can't you, indeed, David?*” *he said. “We'll try that.”*

“*He had my head as in a vice, but I twined round him somehow, and stopped him for a moment, entreating him not to beat me. It was only a moment that I stopped him, for he cut me heavily an instant afterwards, and in the same instant I caught the hand with which he held me in my mouth, between my teeth, and bit it through. It sets my teeth on edge to think of it.**He beat me then, as if he would have beaten me to*”

death. Above all the noise we made, I heard them running up the stairs, and crying out — I heard my mother crying out — and Peggotty. Then he was gone; and the door was locked outside; and I was lying, fevered and hot, and torn, and sore, and raging in my puny way, upon the floor” [Dickens 2007: 32].

В данном примере мы наблюдаем одну из сцен наказания мистера Мердстона за не прилежность Дэвида в учебе. Мы видим то, как физически издевался над ним его отчим – он практически избивал маленького Дэви до смерти. Очень часто в своих воспоминаниях из детства он вспоминал эти наказания и не мог найти объяснения тому, за что он заслужил такое отношение к себе, ведь порой после таких наказаний, Дэвид несколько дней не мог нормально сидеть на стуле («*he beat me then, as if he would have beaten me to death*», «*I was lying, fevered and hot, and torn, and sore*»). Мистер Мердстон был настоящим кошмаром для Дэвида-ребенка с момента знакомства. Он был первый, кто позволил себе поднять руку на Дэвида-ребенка. Данные факты наложили отпечаток на будущую жизнь Дэвида, вспоминая моменты избиения, он испытывал душевную боль за то, что ему пришлось пройти.

Рассмотрим пример взаимоотношений Дэвида с мисс Мердстон в юношеском возрасте:

(2) *If I had not guessed this, on the way to the coffee-house, I could hardly have failed to know what was the matter when I followed him into an upstairs room, and found Miss Murdstone there, supported by a background of sideboard, on which were several inverted tumblers sustaining lemons, and two of those extraordinary boxes, all corners and flutings, for sticking knives and forks in, which, happily for mankind, are now obsolete.*

Miss Murdstone gave me her chilly finger-nails, and sat severely rigid. Mr. Spenlow shut the door, motioned me to a chair, and stood on the hearth-rug in front of the fireplace.

'Have the goodness to show Mr. Copperfield,' said Mr. Spenlow, what you have in your reticule, Miss Murdstone.'

I believe it was the old identical steel-clasped reticule of my childhood, that shut up like a bite. Compressing her lips, in sympathy with the snap, Miss Murdstone opened it — opening her mouth a little at the same time — and produced my last letter to Dora, teeming with expressions of devoted affection.

'I believe that is your writing, Mr. Copperfield?' said Mr. Spenlow [Dickens 2007: 289-290].

В данном контексте мы видим сцену разбирательства между мисс Медрстон, отцом Доры – мистером Спенлоу и Дэвидом. В очередной раз, мисс Мердстон мстит Дэвиду и отдает письмо Дэвида, адресованное Доре, ее отцу. Отец Доры возмущен до предела, ведь он считал Дэвида другом семьи и искал для своей дочери более подходящего и обеспеченного спутника жизни. А Дэвид и Дора хотели до последнего момента скрыть свои чувства. В связи с чем, Дэвид вспоминает неприятные сцены страданий из детства, которые связаны с мисс Мердстон, обращает внимание на злополучную сумочку, из которой она достала заветное письмо («*I believe it was the old identical steel-clasped reticule of my childhood, that shut up like a bite*»). Дэвид сравнивает губы мисс Мердстон с замком сумки, а замок – с укусом, проводя параллель между случившейся ситуацией и с очередной душевной болью, которую причинила Дэвиду мисс Мердстон.

Рассмотрев примеры, относящиеся к семантической группе «adversaries», мы можем сделать вывод о том, что отношение Дэвида-ребенка и Дэвида-юноши не меняется с течением времени. Благодаря недоброжелателям Дэвид меняет свои взгляды на жизнь, борется с несправедливостью, а также делает выводы о том, как нужно воспитывать своих детей, а также у него появляется отвращение к жестокости и жестоким людям.

Таким образом, картина мира ребенка представляется следующим образом: в центре – семантические группы «family», «friends», «love», на периферии – семантические группы «home», «adversaries» (см. приложение 1). Можно сделать вывод, что детская языковая картина мира отражает

определенный способ восприятия и организации мира ребенка, в соответствии с его опытом и возрастом. Наивные представления в языковой картине мира ребенка примитивны, ребенок выражает свое видение мира, которое вербально проявляется через специфику детского мировосприятия, его многогранность, неоднозначность, в некоторой степени автономность, отражающая достигнутый к данному моменту уровень когнитивного развития ребенка.

Выводы по 2 главе

В главе 2.1. нами были выделены 5 основных семантических групп, формирующие языковую картину мира главного героя-ребенка произведения Дэвида Копперфильда: «family», «friends», «home», «adversaries», «love».

Методом сплошной выборки, нами было найдено 288 примеров, в ходе анализа примеров, относящихся к 5 главным семантическим группам, мы провели анализ самых ярких из них, основываясь на методе Ю.Н. Караулова. Бесспорно то, что все 5 семантических групп имели большое значение в детстве главного героя, повлияли на его мировоззрение и отношение к окружающему миру.

Наиболее объемной семантической группой в произведении «David Copperfield» является группа «family». Методом сплошной выборки нами было найдено 78 высказываний. Семантическая группа «family» является самой объемной, поскольку главный герой произведения Дэвид выживает с помощью данной семантической группы. Будучи ребенком, Дэвид перенимает взгляды взрослых из семантической группы «family», его взгляд на мир формируется через призму языка взрослых (мать Клара, няня Пегготи, тетя Бэтси).

Семантическая группа «friends» занимает второе место по значимости в жизни главного героя-ребенка Дэвида. Стоит отметить, что многие люди, которых Дэвид мог отнести к своим друзьям – это именно те люди, с которыми он познакомился в детстве. Методом сплошной выборки нами было найдено 67 примеров, относящихся к данной семантической группе.

Семантическая группа «home» не менее важна в жизни главного героя-ребенка Дэвида, поскольку параллельно с его взрослением и изменением жизненных обстоятельств, мы видим изменение облика его дома, по описанию которого мы можем понять внутреннее состояние главного героя на данном

промежутке жизненного пути. Методом сплошной выборки нами был найден 43 пример, относящийся к данной семантической группе.

Семантическая группа «adversaries», к сожалению, в жизни главного героя Дэвида также играет немаловажную роль, поскольку в течение всей своей жизни Дэвид встречает не только приятных ему людей, но и тех, кто приносит ему много боли и страданий. Одними из таких были мистер и мисс Мердстоны, с которыми Дэвиду «посчастливилось» встретиться еще в начале жизненного пути. Методом сплошной выборки нами был найден 41 пример, относящийся к данной семантической группе.

Семантическая группа «love» занимает одну из лидирующих позиций в жизни главного героя. На протяжении всего его повествования мы видим, сколько прекрасных девушек его окружают. И как настоящий мужчина, Дэвид не может не обращать на них внимания. Во многих из них он влюблялся. Он влюблялся по-разному: в кого-то мимолетно, в кого-то по-настоящему сильно. Методом сплошной выборки нами было найдено 59 примеров, относящихся к данной семантической группе.

Мы можем сделать вывод о том, что все 5 семантических групп имели большое значение в детстве главного героя, повлияли на его мировоззрение и отношение к окружающему миру.

В главе 2.2 мы провели анализ примеров, относящихся к 5 главным семантическим группам, обращая внимание на отношение главного героя Дэвида на данные семантические группы через 2 призмы: призму ребенка и взрослого человека для определения отношения к одной и той же семантической группе в разные периоды жизни главного героя.

Мы провели комплексный анализ примеров, относящихся к каждой из выделенных групп, основываясь на методе Ю.Н. Караулова, в ходе чего проследили, насколько меняется отношение главного героя к одной и той же семантической группе на протяжении всей его жизни: в детстве и во взрослой жизни.

Так, отношение к семантической группе «family» у Дэвида не менялась, оно осталось таким же спустя многие годы. Семья для Дэвида с самого детства была тем самым местом, где он мог чувствовать себя комфортно, получить поддержку от людей из данной группы, а также просто почувствовать себя тем, кем он есть на самом деле. После потери матери, семейного тепла и ласки, он на протяжении всей жизни искал ее, и в конце романа мы видим то, с чего все начиналось: вечер в кругу семьи.

Проводя комплексный анализ семантической группы «friends», бесспорно то, что как для ребенка-Дэвида, так и для Дэвида-взрослого, дружба играет большую роль на протяжении всей его жизни. Как показывают многие социологические исследования, дружба не зависит от возраста. Меняется роль дружбы в жизни человека. Если в детстве она имеет огромное значение, то с возрастом на первое место выходит семья. Но неверно считать, что взрослым людям дружба не нужна. Напротив, с возрастом дружба становится более прочной, испытанной временем. Так и в жизни главного героя произведения Дэвида дружба не потеряла свое значение.

Мы проанализировали значение семантической группы «love» и пришли к выводу, что любовь меняла главного героя, сподвигла Дэвида совершать неординарные поступки, благодаря чему Дэвид менял взгляды на жизнь, пересматривал свое отношение к окружающим. Мы видим, как меняется отношение Дэвида к семантической группе «love». Если в детстве ему было необходимо просто находится рядом с объектом любви, то в зрелом возрасте он осознает, что важны не только чувства, но и понимание и поддержка со стороны любимого человека. Ведь именно благодаря Агнес, своей второй жене, он достиг успехов в писательском мастерстве, осуществил свою мечту.

Менее значимыми категориями в языковой картине мира ребенка оказались группы «home», а также «adversaries».

Так, проводя анализ лексико-семантической группы «home», можно сказать, что данная группа важна для Дэвида. При описании дома как в детском

возрасте, так и во взрослом, он использует яркие краски, чтобы описать благоприятный климат в доме, а с помощью серых и черных красок часто описывает семейные проблемы и неурядицы в доме. Отношение к семантической группе «home» у главного героя-ребенка меняется со сменой климата в семье.

Рассмотрев примеры, относящиеся к семантической группе «adversaries», мы можем сделать вывод о том, что отношение Дэвида-ребенка и Дэвида-юноши не меняется с течением времени. Благодаря недоброжелателям Дэвид меняет свои взгляды на жизнь, борется с несправедливостью, а также делает выводы о том, как нужно воспитывать своих детей, а также у него появляется отвращение к жестокости и жестоким людям.

Таким образом, картина мира ребенка представляется следующим образом: в центре – семантические группы «family», «friends», «love», на периферии – семантические группы «home», «adversaries» (см. приложение 1). Можно сделать вывод, что детская языковая картина мира отражает определенный способ восприятия и организации мира ребенка, в соответствии с его опытом и возрастом.

Заключение

В первой главе мы рассмотрели подходы к трактовке понятия «картина мира». Рассмотрению данного понятия посвящены многие работы отечественных лингвистов (Е.М. Верещагин, Г.В. Колшанский, В.Г. Костомаров, О.А. Корнилов, В.А. Пищальникова, Б.А. Серебренников, Э.Д. Сулейменова, и др.). Некоторые лингвисты отмечают, что понятия «видение мира», «образ мира», «мировидение», «восприятие мира», «модель мира», «образ действительности», «тезаурус» являются синонимичными.

По мнению ученых-лингвистов З.Д. Поповой и И.А. Стернина, картина мира – совокупность представлений народа о действительности, закрепленные в единицах языка, представление о действительности, отраженное в языковых знаках и их значениях. Данное определение будет использовано нами как основное.

Нами были рассмотрены виды картин мира, поскольку в современном языкознании философы и лингвисты различают две картины мира: языковую и когнитивную (концептуальную).

Языковая картина мира представляет собой образ сознания окружающего мира, отраженный при помощи языковых средств. Индивид познает язык так же, как и окружающие его события и явления.

Концептуальная картина мира намного шире и богаче языковой картины мира, так как данные о мире отражаются не только вербально, но и невербально. Концептуальная картина мира намного шире и богаче языковой картины мира, поскольку сведения о мире кодируются не только вербально, но и невербально (визуальным, акустическим, тактильным, проксеимическим и другими кодами).

Мы уделили внимание компонентам языковой картины мира. Так, Л. Вайсгербер, отмечает, что в любом языке можно увидеть определенный взгляд на мир. Именно поэтому, Л. Вайсгербер выделяет следующие компоненты, которые формируют языковую картину мира: номинативные средства языка (лексемы, фразеологизмы и т.п.); национальные паремии; функциональные средства языка (отбор лексики и фразеологии для общения).

Говоря о компонентах языковой картины мира, помимо лингвистического и языкового компонентов, она включает в себя компонент культурный, в который входит опыт поколений, восприятие природного и надприродного мира как целого.

Безусловный интерес для исследователя представляет детская картина мира, в том числе и языковая, поскольку детская языковая картина мира отражает определенный способ восприятия и организации мира ребенка, в соответствии с его опытом и возрастом. Наивные представления ребенка образуют определённые системы, которые могут быть зафиксированы в словаре как отражение наивной картины мира. Детскую языковую картину мира можно назвать «наивнейшей», в которой присутствует сильный чувственный компонент восприятия действительности, отражается определенный способ восприятия и организации мира ребенка, в соответствии с его опытом и возрастом. В ходе языкового развития ребенок не просто присваивает взрослую языковую картину мира, но конструирует самостоятельно свою собственную.

Мы рассмотрели 3 наиболее распространенных метода к анализу картины мира: метод языкового сознания А.Н. Леонтьева, подход к анализу языковой картине мира Ю.Д. Апресяна, метод анализа лексико-семантических полей Ю.Н. Караулова, поскольку полный и комплексный анализ языковой картины мира невозможен без рассмотрения основных методов. Каждая из рассмотренных нами теорий и методов имеет свои сильные и слабые стороны. При проведении анализа картины мира ребенка, мы остановились на методе

Ю.Н. Караулова, но вместо выделения лексико-семантических полей мы выделили лексико-семантические группы, поскольку, на наш взгляд, для рассмотрения «наивнейшей» картины мира именно выделение лексико-семантических групп является самым подходящим для анализа языковой картины мира ребенка.

Во 2 главе мы выделили 5 основных семантических групп, формирующие языковую картину мира главного героя-ребенка произведения Дэвида Копперфильда: «family», «friends», «home», «adversaries», «love».

Методом сплошной выборки, нами было найдено 288 примеров, в ходе анализа примеров, относящихся к 5 главным семантическим группам, мы провели анализ самых ярких из них, основываясь на методе Ю.Н. Караулова. Бесспорно то, что все 5 семантических групп имели большое значение в детстве главного героя, повлияли на его мировоззрение и отношение к окружающему миру.

Наиболее объемной семантической группой в произведении «David Copperfield» является группа «family». Семантическая группа «friends» занимает второе место по значимости в жизни главного героя-ребенка Дэвида. Стоит отметить, что многие люди, которых Дэвид мог отнести к своим друзьям – это именно те люди, с которыми он познакомился в детстве. Методом сплошной выборки нами было найдено 67 примеров, относящихся к данной семантической группе.

Семантическая группа «home» не менее важна в жизни главного героя-ребенка Дэвида, поскольку параллельно с его взрослением и изменением жизненных обстоятельств, мы видим изменение облика его дома, по описанию которого мы можем понять внутреннее состояние главного героя на данном промежутке жизненного пути. Методом сплошной выборки нами был найден 43 пример, относящийся к данной семантической группе.

Семантическая группа «adversaries», к сожалению, в жизни главного героя Дэвида также играет немаловажную роль, поскольку в течение всей своей

жизни Дэвид встречает не только приятных ему людей, но и тех, кто приносит ему много боли и страданий. Одними из таких были мистер и мисс Мердстоны, с которыми Дэвиду «посчастливилось» встретиться еще в начале жизненного пути. Методом сплошной выборки нами был найден 41 пример, относящийся к данной семантической группе.

Семантическая группа «love» занимает одну из лидирующих позиций в жизни главного героя. На протяжении всего его повествования мы видим, сколько прекрасных девушек его окружают. И как настоящий мужчина, Дэвид не может не обращать на них внимания. Во многих из них он влюблялся. Он влюблялся по-разному: в кого-то мимолетно, в кого-то по-настоящему сильно. Методом сплошной выборки нами было найдено 59 примеров, относящихся к данной семантической группе.

Мы можем сделать вывод о том, что все 5 семантических групп имели большое значение в детстве главного героя, повлияли на его мировоззрение и отношение к окружающему миру.

Во 2 главе мы также провели анализ примеров, относящихся к 5 главным семантическим группам, обращая внимание на отношение главного героя Дэвида к данным семантическим группам через 2 призмы: призму ребенка и взрослого человека для определения отношения к одной и той же семантической группе в разные периоды жизни главного героя, основываясь на методе Ю.Н. Караулова.

Так, отношение к семантической группе «family» у Дэвида не менялась, оно осталось таким же спустя многие годы. Семья для Дэвида с самого детства была тем самым местом, где он мог чувствовать себя комфортно, получить поддержку от людей из данной группы, а также просто почувствовать себя тем, кем он есть на самом деле.

Проводя комплексный анализ семантической группы «friends», бесспорно то, что как для ребенка-Дэвида, так и для Дэвида-взрослого, дружба играет

большую роль на протяжении всей его жизни. Как показывают многие социологические исследования, дружба не зависит от возраста.

Мы проанализировали значение семантической группы «love» и пришли к выводу, что отношение к семантической группе меняется с течением времени. Если в детстве главному герою-ребенку было необходимо просто находиться рядом с объектом любви, то в зрелом возрасте он осознает, что важны не только чувства, но и понимание и поддержка со стороны любимого человека.

Менее значимыми категориями в языковой картине мира ребенка оказались группы «home», а также «adversaries».

Так, проводя анализ лексико-семантической группы «home», можно сказать, что данная группа важна для Дэвида. При описании дома как в детском возрасте, так и во взрослом, он использует яркие краски, чтобы описать благоприятный климат в доме, а с помощью серых и черных красок часто описывает семейные проблемы и неурядицы в доме. что отношение к семантической группе «home» у главного героя-ребенка меняется со сменой климата в семье.

Рассмотрев семантическую группу «adversaries», мы можем сделать вывод о том, что отношение Дэвида-ребенка и Дэвида-юноши не меняется с течением времени. Благодаря недоброжелателям Дэвид меняет свои взгляды на жизнь, борется с несправедливостью, делает выводы о том, как нужно воспитывать своих детей, появляется отвращение к жестокости и жестоким людям.

При исследовании нашли подтверждения следующие положения:

- детская языковая картина мира отражает определенный способ восприятия и организации мира ребенка, в соответствии с его опытом и возрастом. Ведущая роль принадлежит познавательной деятельности при познании мира и номинации ребенком предметов и явлений окружающей действительности;

- взгляд ребенка на мир через призму языка во многом зависит от ведущей роли взрослого, подражая речевым высказываниям которого ребенок овладевает языком. Подрастая, ребенок приобщается к языку через общение со взрослыми и сверстниками, а также погружаясь и воспринимая окружающую речевую среду, которая может быть как благоприятной, так и негативной;

- наивные представления в языковой картине мира ребенка примитивны в соотношении с языковой картиной мира взрослого. В языковой картине мира ребенка проявляется специфика мировосприятия, его многогранность, неоднозначность, в некоторой степени автономность, отражающего достигнутый к данному моменту уровень когнитивного развития ребенка;

- детская языковая картины мира противоречива: с одной стороны, идет ее постоянное обновление и обогащение новыми компонентами и гранями, с другой – традиция и традиционные вербальные образы;

- в детской языковой картине мира присутствует сильный чувственный компонент восприятия действительности, отражается определенный способ восприятия и организации мира ребенка, в соответствии с его опытом и возрастом;

- в ходе языкового развития ребенка, он не просто присваивает взрослую языковую картину мира, но конструирует самостоятельно свою собственную.

Таким образом, исследовав семантические группы «family», «friends», «love», «home», «adversaries» (см. приложение 1) на основании целеполагания, мы пришли к выводу, что детская языковая картина мира отражает способ восприятия и организации мира ребенка в соответствии с опытом и возрастом; ребенок познает язык так же, как и окружающие его события и явления; язык является накопителем знаний ребенка о мире, влияет на формирование мировоззрения;

Взрослая языковая картина мира моделируется на основе детской языковой картины мира, тесно связана с индивидуальным, социальным опытом человека, культурой народа.

Список литературы

1. Абрамова Ю.С. К вопросу о "картине мира" / Ю.С. Абрамова, Т.А. Ларина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 11. – С. 55–59 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.gramota.net/materials/2/2017/11-1/15.html> (дата обращения: 19.03.2020).
2. Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова. – М.: Academia, 2002. – С. 208–211.
3. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. – М.: Восточная литература, 1995. – 472 с.
4. Арутюнова Н.Д. Наивные размышления о наивной картине мира / Н.Д. Арутюнова // Язык о языке: сб. статей. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 7–19.
5. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
6. Блох М.Я. Внутренняя речь в структуре художественного текста. – М.: Прометей, 2011. – 290 с.
7. Блох М.Я. Проблема картины мира в современном философском языкознании / М.Я. Блох // Культура как текст: сб. научных статей. Вып. № 6. – М.: Смоленск: Универсум, 2006. – С. 3–6.
8. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Большая Рос. энцикл., 2001. – 1456 с.
9. Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа / Й.Л. Вайсгербер – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 232 с.
10. Вайсгербер Л. Родной язык и формирование духа. – М.: Наука, 1993. – 232 с.

11. Васильев Л.М. Теория семантических полей / Л.М. Васильев // Вопросы языкознания. – 1971. – № 5. – С. 105–113.
12. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1997. – 411 с.
13. Верещагин Е.М. Язык и культура. – М.: Русский язык, 1983. – 269 с.
14. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. – М.: Русский язык, 2005. – 320 с.
15. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С.Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – №1. – С. 64–72.
16. Воротников Ю.Л. Языковая картина мира: трактовка понятия // Гуманитарное знание: тенденции развития в XXI веке. В честь 70-летия Игоря Михайловича Ильинского / колл. моногр. под ред. В.А. Лукова. – М.: Изд-во НИБ, 2006. – С. 316–320.
17. Выготский Л.С. Орудие и знак в развитии ребенка // Выготский Л. С. Собрание сочинений. – М.: Педагогика, 1984. – Т. 6. С. 5–90.
18. Выготский Л.С. Педагогическая психология. – М.: Педагогика, 1991. – 480 с.
19. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – 400 с.
20. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М.: Искусство, 1972. – 318 с.
21. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М.: Искусство, 1972. – 318 с.
22. Державин Г.Р. Сочинения. – Санкт-Петербург: Академия наук, 1864. – 872 с.
23. Егорова М.А. "Когнитивное пространство" и его соотношение с понятиями "ментальное пространство", "когнитивная база", "концентосфера", "картина мира" / М.А. Егорова // Вестник ИрГЛУ. – 2012. – № 3. – С. 61–68.

24. Забродкина Е.А. Семантическое поле "дом" в русских народных говорах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Арзамас, 2008. – 449 с.
25. Зенин И.А. Гражданское право Российской Федерации: Учебное пособие / Московский международный институт эконометрики, информатики, финансов и права. – М., 2003. – 421 с.
26. Извозчиков В.А. Концепция педагогики информационного общества / В.А. Извозчиков, В.В. Лаптев, М.Н. Потемкин // Наука и школа – 1999. – № 1. – С. 41–45.
27. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М., 2004. – 477 с.
28. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. – М.: Наука, 1976. – 356 с.
29. Караулов Ю.Н. Структура лексико-семантического поля / Ю.Н. Караулов // Филологические науки. – 1972. – №1. – С.57–68.
30. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. – М.: Наука, 1990. – 107 с.
31. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – М.: МГУ им. Ломоносова, 1999. – 341 с.
32. Костомаров В.Г., Верещагин Е.М. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М.: Русский язык, 1990. – 246 с.
33. Кочнова К.А. Лексико-семантическое поле «Природное время» в языковой картине мира А.П. Чехова: дис. ... канд. филол. наук. – Нижний Новгород, 2005. – 178 с.
34. Красных В.В. "Свой" среди "чужих": миф или реальность. – М.: Гнозис, 2003. – 375 с.
35. Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

36. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов // Под общ. ред. Е.С. Кубряковой – М.: Филол. ф-т МГУ 1996. – 245 с.
37. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1975. – 115 с.
38. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения. – М.: Политиздат, 1983. – 392 с.
39. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Известия РАН. Сер. лит. и яз.. – 1993. – Вып. 1. – С. 3–9.
40. Лук А.Н. Мышление и творчество. – М.: Политиздат, 1976. – 144 с.
41. Лурия А.Р. Язык и сознание. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – 336 с.
42. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. – М., 2007. – 296 с.
43. Никитина Н.Ю. Вопрос о детской языковой картине мира / Н.Ю. Никитина, Е.В. Тарасенко // Вестник ЧГПУ. – 2009. – № 5. – С. 113–121 [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vopros-o-detskoy-yazykovoy-kartine-mira/viewer> (дата обращения: 19.03.2020).
44. Петренко В.Ф. Психосемантика сознания. – М.: МГУ, 1988. – 208 с.
45. Петрова М.В. Детская языковая картина мира (на материале детского немецкого фольклора): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2009. – 22 с.
46. Пищальникова В.А. История и теория психолингвистики: курс лекций. – М.: МГЛУ, 2007. – 228 с.
47. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж, 2001. – 191 с.
48. Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие концепта в лингвистических исследованиях. – Воронеж: Истоки, 1999. – 30 с.
49. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. – Воронеж: Истоки, 2007. – 250 с.

50. Постовалова В.И., Серебренников Б.А., Кубрякова Е.С. Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – 406 с.
51. Потебня А.А. Мысль и язык. – Киев: 2010. – 192 с.
52. Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. – М.: Изд-во ЛКИ, 1996. – 224 с.
53. Серебренников Б.А. Общее языкознание. – М.: Наука, 1970. – 404 с.
54. Степанов Ю.С. Константы мировой культуры / Ю.С. Степанов, С.Г. Проскурин. – М.: Наука, 1993. – 160 с.
55. Стернин И.А. Введение в речевое языкознание. – Воронеж: 2001. – 227 с.
56. Сулейменова Э.Д. Понятие смысла в современной лингвистике. – Алматы: Мектеп, 1989. – 160 с.
57. Туманова А.С. Общественные организации и русская публика в начале XX века. – М.: Новый хронограф, 2008. – 328 с.
58. Тухарели Н.Л. / Н.Л. Тухарели // Язык, сознание, коммуникация: сборник статей. – 2001. – Вып. 17. – С. 5–10.
59. Тухарели Н.Л. Имена «вещей» в детской языковой картине мира // Русский язык: исторические судьбы и современность: материалы Межд. конгресса исследователей русского языка. – М., 2001 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/russlin/02.php (дата обращения: 15.03.2020).
60. Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку. / Б.Л. Уорф // Новое в лингвистике. – 1960. – № 1. – С. 58–92.
61. Ушакова Е.В. Системная философия и системно-философская научная картина мира на рубеже третьего тысячелетия: монография. – Барнаул, 1998. – 262 с.

62. Фрумкина Р.М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога / Р. М. Фрумкина. – Научно-техническая информация, 1992. – сер. 2. – № 3. – С. 22–31.
63. Харченко В.К. Словарь современного детского языка: около 10000 слов, свыше 15000 высказываний / В.К. Харченко. – М.: Астрель, 2002. – 640 с.
64. Цейтлин С.Н. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи. – М.: Владос, 2009. – 240 с.
65. Шаклеин В.М. Лингвокультурная ситуация в современной России. – М.: Флинта, 2010. – 147 с.
66. Шаклеин В.М. Лингвокультурная ситуация в современной России. – М.: Мысль, 1983. – 286 с.
67. Шафилов С.Г. Теория семантического поля и компонентной семантики его единиц. – Уфа: БГУ, 1999. – 88 с.
68. Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты: Материалы III Международной научно-практической конференции / Бийский пед. гос. ун-т им. В.М. Шукшина. – Бийск: БПГУ им. В.М. Шукшина, 2006. – 443 с.
69. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). – М.: Гнозис, 1994. – 344 с.
70. Dickens Ch. David Copperfield. – GB: Phoenix, 2007. – 558 p.

Приложение 1

На диаграмме представлено соотношение основных семантических групп в жизни ребенка от самой значимой «family» до менее значимой «adversaries». Картина мира ребенка представляется следующим образом: в центре – семантические группы «family», «friends», «love», на периферии – семантические группы «home», «adversaries».

